

ЭКСТРЕМАЛЬНАЯ
СИТУАЦИЯ

В.Н. ЗАВГОРУДЬКО

Выжить в тайге ОБЯЗАН

Зудово уважительно
Важно Сопровожу
с канцелярией
и не могу
о Соли замечать
В алмаз

Ильин
апрель 2007.

ПРИАМУРСКОЕ
ГЕОГРАФИЧЕСКОЕ ОБЩЕСТВО
ГЛАВНОЕ УПРАВЛЕНИЕ
ПО ДЕЛАМ ГРАЖДАНСКОЙ ОБОРОНЫ
И ЧРЕЗВЫЧАЙНЫМ СИТУАЦИЯМ
ХАБАРОВСКОГО КРАЯ

Вы

Глава 1
С чего все
начинается...15

Глава 2
Костер...27

Глава 3
Одежда...37

Глава 4
Питание...53

Глава 5
Одиночество...67

Глава 6
Песня...77

Глава 7
Безопасность...87

Глава 8
Для медиков.
И не только...127

В.Н.Завгородько

живите в тайге ОБЯЗАН

ХАБАРОВСК

Приамурское географическое общество

Главное управление по делам гражданской
обороны и чрезвычайным ситуациям
Хабаровского края

2001

УДК-614.8.01 (571.62)
ББК 51.1(2)2
3.133

Завгорулько В.Н.

- 3.133 Выжить в тайге обязан.—Приамурское географическое общество. Главное управление по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Хабаровского края. Хабаровск, 2001.—160 с.

Издание представляет материалы организованных автором экспериментов по выживанию человека в экстремальных условиях дальневосточной тайги. Краткие рекомендации наглядно дополнены наблюдениями из таежной жизни, охоты, пережитых экстремальных ситуаций.

Книга рекомендуется всем пользователям дальневосточной тайги, туристам, любителям охоты, рыбной ловли и сбора дикоросов, школьникам, студентам, активному взрослому населению региона.

Комитет общего образования администрации Хабаровского края рекомендует книгу в качестве дополнительной литературы при изучении курса «Основы безопасности жизнедеятельности».

Zavgorudko V.N.

One must survive in taiga.—The Amur geographic society. General Department for civil Defense and Extreme Situations of Khabarovsk Territory. Khabarovsk, 2001, 160 pages.

ISBN

This book presents the information about the experiments which were arranged by the author on human's survival in the extreme conditions of the Far Eastern taiga. Short recommendations are supplemented with the observations of taiga life, the impressions of the survived extreme situations and pictures of hunting.

The book is recommended to all users of taiga, tourists, lovers of fishing, hunting and collections of wild berries, school and university students, to active people of our region.

ISBN 5-88570-221-7

© Завгорулько В.Н., 2001

© Лебедев В.М., иллюстрации, 2001

ВМЕСТО ПРЕДИСЛОВИЯ

Коллективом сотрудников Главного управления по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Хабаровского края внимательно изучена работа известного нашего земляка, профессора, главного врача Центра лечебной физкультуры и спортивной медицины, заведующего кафедрой медицинской реабилитации и физиотерапии Дальневосточного государственного медицинского университета Завгородушко Валерия Николаевича “Выжить в тайге обязан”.

Автор не случайно обратился за рецензией в учреждение МЧС России. Его интересовала беспристрастная оценка профессионалов по вопросам самовыживания и взаимоспасения в условиях дальневосточной тайги, которым и посвящен труд.

“Выжить в тайге обязан” — это итог двух трудных и опасных предприятий, на которые автор решился вполне добровольно, движимый мыслью внести посильный вклад в дело спасения людей и своими глубокими гуманистическими принципами. Характеризуя его эксперимент, понятия “трудный” и “опасный” следует воспринимать в превосходной степени, т.е. не иначе, как сверхсложный и экстремальный. Экстремальность обусловлена не только его длительным одиночным пребыванием в тайге в холодное время года, но и условиями тех задач, практическое решение ко-

В.Н. Завгорудько

торых Валерий Николаевич определил для себя как цель.

Его успех — это не только победа ума и воли одного конкретного человека, это, прежде всего, большой вклад в дело спасения людей в виде реального, интересного и подробно изложенного опыта выживания.

История человечества знает достаточно много отчаянных экспериментов, созвучных данному, но главной целью покорителей вершин, полюсов и океанов были рекорды, недоступные другим людям. Здесь же, напротив, в сознание читателя закладывается мысль, что выжить может каждый, надо лишь знать, что и как делать.

Аналогов данной работе нет. Она сугубо индивидуальна по направлению деятельности и уникальна по

способу реализации. Максимальная приближенность к условиям возможной чрезвычайной ситуации, полная реальность воздействия всех сопутствующих факторов, соответствие целей и задач, стоящих перед человеком, оказавшимся один на один с тайгой, делают этот труд неоценимым с точки зрения полезности полученного опыта, а простота изложения материала делает его доступным широкому кругу читателей.

Работа наполнена здоровыми и интересными рассуждениями человека, склад ума и жизненный опыт которого невольно вызывают чувство уважения и наталкивают на необходимость осмысленного отношения к природе и всему, что нас окружает, в свете бережливости и созидания.

Кроме того, нельзя не увидеть и присущее самому автору огромное человеколюбие, личную скромность, тонкий юмор и вполне серьезную претензию на творческую деятельность.

От имени сотрудников ГУ ГО ЧС Хабаровского края выражаю глубокую признательность Валерию Николаевичу за предоставленную возможность ознакомиться с его книгой "Выжить в тайге обязан" и использовать содержащуюся в ней информацию и уникальный опыт выживания в благородном деле спасения людей.

Рекомендуется для широкого круга читателей.

Начальник Главного управления
по делам ГО ЧС Хабаровского края
М.И. Колесников

Книга В.Н.Завгорулько **“Выжить в тайге обязан”** написана “живым” языком, на основе богатого опыта таежной жизни автора, которым он щедро делится с читателем.

В книге освещены основные составляющие проблемы выживания человека в таежной среде.

Заслуживают уважения экстремальные походы автора. С риском для собственного здоровья, в одиночку он отправляется в необъятные просторы дальневосточной тайги, чтобы еще и еще раз доказать, что человек, несмотря ни на какие обстоятельства, может выжить в тайге. Обязан!

Нужная, полезная книга. Особенно она полезна для тех, кто так или иначе соприкасается с природной средой.

Мастер спорта международного класса по спортивному туризму, заслуженный путешественник России

Ю.А.Балыков

ВВЕДЕНИЕ

Перевал тяжел, но остановиться нельзя.
Умирают не уставшие, а остановившиеся.

И пока бьется сердце, буду упрямо переминать ослабевшие ноги, буду ползти на руках, если не сумею подняться. Да и как я могу остановиться?

(П. Павленко. "Голос в пути")

Хранит страшную тайну одна из вершин Сихотэ-Алиня. Двое молодых людей, студенты медицинского университета, таинственно исчезли на ней навсегда. Групповое туристское восхождение на гору Ко врезалось в память хабаровчан своим трагическим исходом. Что произошло там, в поднебесье, как могло такое случиться, почему? Можно задать еще несколько десятков вопросов, в том числе сухой административный вопрос — "кто виноват?", но абсолютно достоверный ответ на него мы уже не получим. И нужен ли он теперь, через много лет?

Я решил рассмотреть ситуацию с другой стороны: *а как избежать подобную трагедию, как свести до минимума или хотя бы уменьшить вероятность трагического исхода?*

Ежегодно десятки людей непредвиденно и

совершенно случайно оказываются один на один с дальневосточной тайгой. Причины создания экстремальной ситуации различные: от элементарной потери ориентации при различных формах природопользования до аварии транспортных средств в необжитых таежных районах. К сожалению, не всегда человек выходит победителем в этом поединке. Причинами поражения человека чаще являются холод, голод, травма. Реже, но роковой оказывается встреча с хищниками или даже страх ожидания такой встречи. И почти всегда присутствует паника различных уровней: от легкой растерянности до “оцепенения”. Если в течение 2 — 3 дней не приходит помощь извне или человек сам не выходит к людям, то, как правило, такие ситуации заканчиваются трагически.

С целью определения возможности выживания человека в экстремальных условиях дальневосточной тайги нами были организованы два “острых” эксперимента с интервалом в два года и привлечением добровольца, т.е. автора.

Экстремальность и без того сложных таежных условий обусловлена следующими дополнительными факторами:

- *одиночное* пребывание человека в таежных условиях в течение длительного времени (до 10 дней);
- *полное голодание* во время пребывания в тайге + два дня необходимых для выезда из конечной точки маршрута в г. Хабаровск и клинично-лабораторного обследования;
- отсутствие теплой одежды, спального мешка и

палатки;

- отсутствие населенных пунктов и дорог на маршруте;

- незнакомый маршрут;

- отсутствие оружия и средств связи;

- ежедневное выполнение физической нагрузки средней степени тяжести в течение 10—12 часов (необходимо проходить от 20 до 30 км в условиях бездорожья);

- минимальный набор средств обеспечения: топорик, нож, спички, кусок ткани для изготовления укрытия (навеса);

- пожилой возраст участника.

Какой-либо специальной подготовки к экспериментам не проводилось. Исходный уровень физической подготовки, характер питания и тип одежды до похода соответствовали условным среднестатистическим показателям. Первый поход проходил в конце апреля, т.е. в начале весны, в районе проведения эксперимента. Для второго эксперимента был выбран переходный зимне-весенний период с устойчивыми минусовыми температурами ($-5...-10^{\circ}\text{C}$ днем и $-10...-15^{\circ}\text{C}$ ночью). С одной стороны, это избавило исследуемого от дополнительного суперэкстремального фактора — свойственных для данного района крайне низких зимних температур (до -45°C), с другой стороны, не было необходимости проводить профилактику возможного заболевания клещевым энцефалитом. Кстати, вероятность случайного попадания человека в тайгу при крайне низких температурах практически сводится к нулю. В тайге в это время можно встретить только профес-

сионалов или хорошо подготовленных и экипированных любителей-энтузиастов. Идеальным экспериментом стала бы высадка одиночки на Северный полюс без одежды, продуктов, топлива и средств передвижения. Но это из области фантастики. Такого вообще быть не может!

В жизни у меня, как и у многих, было немало критических ситуаций при нахождении в тайге, но отношение к ним было как к приключениям, и не более. Поставив себя преднамеренно в критическую ситуацию, я уже другими глазами смотрел и оценивал свое поведение, состояние, иначе оценил многое из того, что ранее было просто приключением. Сработала профессиональная привычка анализировать, видеть за частным случаем возможную массовость или системность. Уже в тайге, в голодных фантазиях перед глазами плавали не изысканные яства, а просматривались страницы будущей книги, которая вобрала бы весь мой опыт выживания в экстремальных условиях дальневосточной тайги.

О жанре я не думал. Хотелось бы, чтобы это было руководство или методические рекомендации. Сухо! Путевые очерки? Надо иметь дар писателя, журналиста. Наверяд ли он у меня есть. Во всяком случае, не пробовал. В итоге решил чередовать сухой материал с эпизодами, подчеркивающими значимость тех или иных советов. Старался избегать свойственную людям науки сложную терминологию, изложить материал доступным языком. И не стал писать большую книгу. Написать маленькую методичку — несолидно, большую — можно отпугнуть читателя, т.е. возможного бу-

душего пользователя.

В заключение небольшого введения считаю необходимым выразить благодарность всем, кто помогал мне в организации походов “в экстремальность”, и прежде всего руководству и сотрудникам Комитета по экологии Еврейской автономной области, Главного управления по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Хабаровского края, Красной федерации туризма, Краевого общества рыбаков и охотников. Особо благодарен коллегам краевой поликлиники “Вивея”, чья забота позволила быстро восстановиться после второго похода, сотрудникам краевого Центра медицинской реабилитации и спортивной медицины, поддержавшим мой поиск, и, конечно же, всей моей семье, позволившей провести “острый” эксперимент.

Считаю своим долгом поблагодарить Т. Мушкатурову, проявившую фантастическое терпение и трудолюбие при переводе характерных для медиков каракулей в легко читаемый компьютерный набор. Препкланяюсь перед талантом А.Н. Посохова, проявившего высочайший профессионализм, душевность и глубокую заинтересованность в подготовке макета книги. А вообще-то, в ходе работы над книгой и выполнения экспедиций я встретил столько благородных людей, бескорыстно оказавших поддержку моим действиям, озабоченных проблемами сохранения человека и природы Дальнего Востока. Говорил и буду говорить, писал и буду писать: благородство на Руси еще не изжито, и это вселяет надежду в ее будущее.

Издание книги состоялось при организационной и

финансовой поддержке Приамурского географического общества, Комитета по молодежной политике администрации Хабаровского края, страхового акционерного общества "Дальлесстрах", за что автор и возможные пользователи книги весьма благодарны им.

Автор с благодарностью примет замечания, предложения и краткие описания интересных случаев выживания в тайге, что будет учтено при подготовке следующего, дополненного издания. А кто-то, возможно, изъявит желание оказать и финансовую помощь в издании нового варианта и значительно большем тиражом. Чего-чего, а народу бродит по дальневосточной тайге великое множество.

Наш адрес: 680000, г.Хабаровск, ул.Муравьева-Амурского, 25. Краевой центр лечебной физкультуры и спортивной медицины.
Профессору Завгородько В.Н.

Глава

1

С чего все наги-на- ется

ПРЕДЛАГАЮ сразу договориться, что все события, катастрофы, банальные блуждания, оставляющие человека или группу людей один на один с суровой дальневосточной тайгой, обозначим словом *ситуация*. Для удобства и взаимопонимания. Ситуация возникает, как правило, неожиданно, вроде бы случайно, но в ней всегда просматриваются признаки предварительного программирования. Кто и что обеспечивает неизбежность ее появления? Вопрос сложный, а от-

вет может быть пространным, уходящим в “еже еси на небеси” или конкретным, откровенно раскрывающим знание причин. Наша задача — помочь человеку хотя бы советом, подсказкой, личным примером и опытом выживания в тайге *выйти из ситуации*. Можно ведь просто смириться, уповая на судьбу, можно бороться, но безграмотно, а можно достойно выйти из нее. Русский народ родил еще в эпоху обязательного веропоклонничества умную, конкретную поговорку: “На бога надейся, а сам не плошай”. На мой взгляд, 99 и более процентов ситуаций возникает по трем основным причинам:

- *природные катаклизмы*, а Дальний Восток тяготеет к ним. Это выраженные циклоны и антициклоны, тайфуны, цунами, землетрясения, резкие перепады суточных температур, которые не всегда металл выдерживает, не говоря уже о пластмассе, сложность рельефов и др. Сюда же надо отнести необыкновенное обилие осадков, непредсказуемость рек, лесные пожары и др.;
- *техногенные*: несовершенство некоторых видов техники, в том числе транспортной, несовершенство, а порой полное отсутствие средств связи даже в повседневной жизни, большое количество видов деятельности человека в области природопользования, потенциально опасных производств и др.;
- *антропогенный* (человеческий фактор): от полной неподготовленности многих участников *ситуаций* к борьбе за выживаемость до мас-

С чего все начинается

совой расхлябанности в производственной, воинской, управленческой дисциплине; повальных просчетов в воспитании человеческой морали, воли, характера.

Я осторожно обойду стороной первые два фактора, хотя если собрать вырезки их газет за несколько лет, то обоснований для этих постулатов можно набрать достаточно много за один месяц, в крайнем случае, год. На эту тему, кстати, есть немало очерков, книг, исследований, но, как правило, все соответствует поговорке: "После драки кулаками не машут". А мы машем. А вот человеческий фактор? Мне кажется, что мы все больше теряем опыт поколений. Мужчина всегда был охотник, добытчик, воин, защитник. Многие виды этой деятельности сейчас трансформированы в какие-то глазурированные способы обеспечения повседневной жизни и в корне отличаются от основ предназначения мужчин. И не только мужчин.

Где сейчас готовят мужчину, человека, гражданина? Почти нет тех родителей, что воспитывали детей трудом, соблюдая при этом главный принцип: "Делай, как я, делай лучше меня", а не как принято сейчас: "Делай, как я сказал". Осталась школа, на которую сваливается ответственность за подготовку человека. Да, школа многое может, но в ней должны работать энтузиасты своего дела и патриоты малой и большой Родины. Только такие учителя могут готовить детей и к выживанию в экстремальных условиях. Есть такие учителя!

Насколько я владею информацией по Хабаровскому краю, есть школы, где активно работают секции туризма, организуют и проводят сложные маршруты. В пос. Новый Ургал, например, туризм приобрел форму элитного вида творческой деятельности. Хабаровский краевой комитет по физической культуре, спорту и туризму совместно с Главным управлением по делам гражданской обороны и чрезвычайным ситуациям Хабаровского края несколько лет подряд проводят краевые слеты-соревнования “Школа безопасности”. Полезность этого мероприятия расшифровывать, думаю, не надо. В 2000 году в соревнованиях принимало участие около 250 человек. Раньше собиралось до 700 человек. Финансовые проблемы сократили число соревнующихся. Большую работу по подготовке к экстремальности проводили ранее в пионерских лагерях. Развенчали пионерию, обругали, унизили, уничтожили. Взамен ничего не дали. Ухватились было за скаутское движение. “Вот скауты — это да!” Здесь скорей всего сработала привычка восхищаться всем, что там, “за бугром”. Видал я скаутов великовозрастных, захлеб рассказывающих о своих “подвигах” в обмен на мои охотничьи “байки”, но не умеющих нарубить дров и растопить печь в бане, куда я их приглашал. Представьте картину: стоит симпатичный, спортивного склада молодой мужчина шести футов росту и беспомощно тюкает топором по прямослойной осиновой плахе, тщетно пытаясь отколоть щепки

С чего все начинается

для разжигания. Пришлось показать, как это делается. А теперь представьте этого же красавца в одиночестве в нашей тайге, а не в калифорнийском лесопарке. Это в боевиках они крутые и универсальные, а в жизни...

В далеком детстве самой большой радостью деревенского лета были походы в тайгу за ягодой. Родители разрешали их как поощрение за обработанные грядки, активное участие в сенокосных делах, выпасах всякой живности — от цыплят до буренки. И нужно было только разрешение. Во что мы одеты, взяли ли мы с собой еду и спички, знаем ли мы дорогу — это уже никого не интересовало. По крайней мере, внешне. А вот бидончик пятилитровый голубицы или двухлитровый земляники принести домой обязан. На ведро у нас сил еще не хватало. Дальше обучала нас таежным навыкам сама жизнь. Если по деревне бегали босиком, то быстро сообразили, что в лес нужны или сандалии, или растоптанные старые ботинки, или появившиеся позже кеды.

Уже не страшны колючки, острые сучки, камни, укусы копошившихся в цветах пчел и ос. Если по деревне бегали в трусах, то тоже сообразили, что ноги надо беречь от порезов острокроющей жесткой болотной травой, и надевали какие-то штанишки. Не наденешь рубашку — съедят комары

и прочая кровососущая летающая рать. Не прикроешь голову от солнца хотя бы газетной шляпой — худо будет. А кусок черного хлеба с желтым залежалым салом и вареное яйцо в карманчике лучше, чем только хлеб или вообще ничего. И так бывало. И шли мы вереницей по 5—10 человек по пояс в зыбкой болотной жиже, рассказывая друг другу страсти-мордасти про засасывающие трясины, про леших и волков, про прочую нечисть, и не было счастливей нас никого на свете. А сколько гордости было, когда похозяйски ставишь вечером перед родителями бидончик, развязываешь прикрывающую горловину тряпицу и демонстрируешь плоды своего труда. В теплых глазах матери и отца уже видишь разрешение на следующий поход. Как же, кормилец растет! С возрастом и ростом соображения программа таких походов усложнялась, в тайгу забирались все дальше.

На смену болотной голубице пришли грибы, орехи. Совсем да-

леко обнаружили кишмиш (позже узнали, что правильное название его актинидия), виноград. Весной собирали дикий лук, черемшу. Осенью собирали для чушек желуди. Зимой ходили за елкой. О каких-либо туристических кружках мы и не слыхивали и опять на-

С чего все начинается

бирались опыта практикой и чтением книг. Любимыми были книги о путешественниках, их приключениях, географических и геологических открытиях. Не много такой литературы было в поселковой и школьной библиотеках. Любую новинку тут же прокручивали по кругу и после прочтения долго ходили с мечтательными глазами, представляя себя на месте книжных героев, спорили и даже дрались за право внести свои коррективы в их действия и поступки. Рядом с нами жили Робинзон Крузо и Дерсу Узала, Следопыт и Арсеньев, Пржевальский и Семенов-Тяньшанский, Хабаров и Поярков. Видать, из этих книг по крупицам тоже откладывалась полезная информация. Изредка свои поправки вносили родители, и в их звучании известные поговорки и присказки, вроде: “Идешь в лес на день, бери еду на неделю”, “В походе и игла вес имеет”, “Волков бояться — в лес не ходить”, “На бога надейся, а сам не плошай” и т. п. приобретали более глубокий смысл.

Не все мои сверстники в одинаковой степени “болели” тайгой, но доброе отношение к ней сохранилось у них навсегда. У меня душа прикипела к тайге, наверное, крепче, чем у многих. К счастью, семья всегда относится к моему увлечению с пониманием и там, где это возможно, участвует в “малых походах”. Примечательно и символично, что после нашей скромно обставленной свадьбы первой купленной по взаимному согласию вещью для совместного пользования оказался рюкзак. В нем, кстати, умещалось все наше имущество.

Для чего делюсь этими воспоминаниями? Скорей всего, чтобы показать, что сам былой жизненный уклад, особенно сельский, уже готовил человека, тем более мужчину, к самостоятельной жизни, к выживанию в любых условиях, в т.ч. и в тайге. И учили выживать, не наступая на ноги, тем более на горло, соседу, окружающим, природе. Сегодня, в эпоху расцвета алчного бизнеса, люди все дальше и дальше отодвигаются друг от друга и от природы. Даже в деревне, смотришь, детей нет на улицах, потому что самих детей стало мало — это раз, а второе — дети предпочитают вместе с родителями проводить весь день у телевизора. И это при пустом сарае и погребе, заросшем огороде, осыпающихся лесных богатствах. Отсюда и получается, что только за околицу вышел, уже и не ребенок, а заблудился, растерялся и пропал. Еще сложнее обстановка с городскими детьми. Свойственная многим из них совершенно необоснованная самоуверенность, перерастающая зачастую в наглость, оказывается простым мыльным пузырем при столкновении с первыми трудностями. Такое поведение не поощряют люди и уж совершенно не прощает природа, тайга. Времени на перевоспитание в тайге нет. Ни у окружающих, ни у самой тайги. И тут уж “как аукнется, так и откликнется”. А коль собрался “аукать”, т.е. встретиться с тайгой, то делать это надо с уважением к ней и грамотно. А оказалась встреча с тайгой и ее “прелестями” случайной, то, может быть, предварительное знакомство с лежащей пе-

С чего все начинается

ред вами книгой поможет достойно выйти из экстремальной ситуации.

Приключение или чрезвычайная ситуация сваливается на голову настолько неожиданно, что диву иногда даешься. И предугадать эти неожиданности невозможно. Вот вам пример.

В первых числах ноября далекого года вертолетом забросили меня с товарищем в закрепленный за нами охотничий участок. Участок дальний, зимовье укромно спрятано в глубоком распадке, дорог к нему нет. Никаких мыслей о возможной высадке в распадке даже не было. Распадок, кроме того, что он глубокий, еще и весь был покрыт гигантскими деревьями, вершины которых уходили в небо. К тому же он представлял собой великолепную аэродинамическую трубу, которая просто смяла бы и выплюнула вертолет. Приземлились на гребне, на небольшой плоской площадке, на отметке 850 м, разгрузились, распрощались. Вертолет ушел, на сотню километров вокруг никого. Взвалив тяжелые поклажи с провиантом, капканами, ремонтным материалом, оставив большую часть груза на месте, мы осторожно начали спускаться. Рюкзаки тянули вниз, крутизна склона притягивала, ноги скользили на гнилом осклизлом валежнике, покрытом для маскировки мхом. Гольцевые пролысины были не лучше. Иногда мы нарочно скатывали камень с насиженного места, и тайга подолгу гудела от грохота лавин. Нам

Был
случай

было весело. Еще бы! Вырвались на неделю в тайгу. Ниже деревья гуще, появился редкий кустарник и елово-лиственничный молодняк. В самом низу уже только ели и пихты и узкая, не более 10 метров, долина безымянного ключика. Через каждые 2—3 метра валежины перекрывали распадок поперек. Только часа через 2—2,5, преодолев 1,5—2 км, мы оказались у цели. Отметка 150—200 м. Я знал, что барачек старый, требует ремонта, но то, что мы увидели, перебравшись через очередной выворотень, уже нельзя было назвать барачком. Старая, из тонких жердочек двухскатная крыша, накрытая рубероидом, она же потолок, отсутствовала, как и сам барачек. Нетрудно было определить проделки завалившегося внутрь медведя. Залез на крышу, та под ним рухнула, какие-нибудь гвозди причинили ему боль, он рассвирепел и разметал стены, измял и разорвал печку, сделанную из железной бочки. Визит был нанесен летом, и дожди и постоянная сырость глубокого распада довершили черное дело. Барачка и в прямом смысле крыши над головой не было. А день заканчивался. В сумерках мы сгородили себе лежбище из остатков стен, используя одну, наиболее сохранившуюся, как укрытие от ветра. Остальное пошло на костер. Спали мы или нет, не помню. Больше маялись, благо, мороз был слабый. Как перед снегом. Снег начался к утру. Прикинули наши возможности. Отсутствие инструмента, гвоздей, рубероида и печки подсказывало – надо

С чего все начинается

- выбирать назад в поселок. Шли больше суток, без остановок и чаепития. Подгоняли снег и быстро отсыревшая одежда. Идешь – тепло, остановишься – дубеешь. Свалились домой как снег на голову. Нас ждали только через неделю. Барачек через пару недель построили новый, покомфортабельней, но случай в памяти остался. Мы вышли! А иногда не выходят. Есть барачки за 500–1000 км от жилья. И представьте, когда человек застаёт разрушенную, или смытую паводком, или сгоревшую избушку. А человек шел к ней на последнем дыхании. В надежде, что его ждут тепло, продукты, запас дров и прочие удобства.

Может вынужденную и последнюю посадку сделать вертолет, может разбиться и затонуть лодка на

наших многочисленных и, говоря современным языком, “крутых реках”, может рассыпаться, казалось бы, самый надежный вездеход. Мне приходилось дважды бросать автотехнику в тайге. “Уазик” и “Урал”. В обоих случаях причиной были наледи, скрывавшиеся под нетронутым снегом заброшенных таежных дорог. С “Урала” после безуспешных попыток стронуть его с места пришлось эвакуироваться по гигантской березе, низко нависавшей над кабиной.

А вот с “уазика” надо было, выскочив из кабины, бегом бежать по водно-снежному месиву до тверди земной. Потом какое-то время шел не по колее, а по глубокому снегу с тем, чтобы максимально обсушить ичиги, сформировать на них защитную ледяную корку, а потом уже выбираться до ближайшего поселка. К счастью, было недалеко — 20—25 км. Это вполне проходимо при наличии колеи за 4—5 часов. Если чувствуешь в себе реальные силы пройти без остановки это расстояние — лучше идти. Есть сомнения или потребуется значительно больше времени на возвращение, лучше дойти до удобного для сотворения жаркого костра места и обсушиться, подкрепиться — и вперед, т. е. назад.

Но вот — случилось! Есть ситуация! Неожиданная! Что поможет выйти из нее? Об этом в следующих главах.

Костер

Глава 2

*И будет назло беде плясать в кругу
Костер на снегу,
Костер на снегу*

(Л. Дербенев. "Костер на снегу")

Я НЕ ОТКРОЮ новую истину, заявив, что в тайге друг № 1 — костер. Если рядом нет настоящего друга, отодвигающего костер на второе место. Дело не в рангах. Прирученный огонь — это тепло, это уют, это здоровье, это пища (если есть из чего готовить), это чай или даже просто горячая вода, что тоже дает калории. Это защита от зверя, это сигнал для возможных спасателей. Это уверенность в своих силах. Магическая сила огня наполняет человека новой силой, про-

светляет мысли, очищает душу. Тысячи людей медитируют при зажженных свечах. Вспомните христианские церкви. Вспоминаю костер в синтоистском храме. Убери его — не будет и храма. А здесь, в тайге, не свечка, а кострище, и греет тело и душу.

Как его сотворить, костер? Первое: необходимо иметь огниво: спички, зажигалку, увеличительное стекло (можно окуляр бинокля, теодолита, прицела, очки для дальнозорких и др.). Знаю несколько случаев, когда огонь получили через выстрел сквозь многослойно сложенную фуфайку, шапку-ушанку. Они начинают тлеть после прострела, а дальше, как говорят, дело техники. Нужно осторожно раздуть огонь, подкормить его сначала сухой травой, мхом, берестой, а потом уже хворост, дрова.

Какая лучше растопка для костра? Лучше всего заготовить сухую траву. Немного. Всегда можно найти пучок сухого пырея, или вейника, или камыша. Все это даже зимой торчит из снега. Во время дождя сухую траву найти сложнее, но можно. Под зависшим деревом, выворотнем, нависшим дерном у берега и крутого распадка.

Костер

Хорошо идет на разжижку сухой мох или лишайник, свисающий гирляндами с хвойных деревьев. Сверху на траву лучше положить мелко разодранную бересту, уже потом тонкие веточки сухого кустарника, концевые веточки хвойных деревьев, лучше лиственничник, ивняк и т.п. А наготове должны уже лежать толстые сучья, и посуше, любых деревьев. Пойдет все, что есть рядом. Хорошо горят сухая ольха, ивняк, лиственничник, кедр, хуже березовые и еловые сучья. А потом уже подобрать крупный валежник, подтащить выворотень, завалить сухой ствол довольно толстого дерева, если интуиция и опыт подсказывают, что он вот-вот и так упадет. Иногда выглядишь таким богатырем, когда подходишь к могучей на вид сушине, раскачаешь ее, наслаждаясь треском ломающегося дерева, а потом взваливаешь на плечо куски разрушенного ствола и шагаешь к разгорающемуся костру. Сваливаешь бревно прямо в костер, подняв столб искр, садишься лицом к огню и даешь себе маленькую заслуженную передышку. Бревно или бревна нужны для большого костра на ночь или при необходимости обсушиться. Охотники обычно оснащены топором и на ночь рубят 2—3 бревна по 2—3 метра длиной и делают нодью. И я так делал. На запланированной охоте. А вот при моделировании поведения человека, попавшего в тайгу случайно, у меня был только туристский топорик. Им бревно будешь всю ночь рубить. Но тайга тем и хороша, что всегда можно найти завал из нескольких стволов или один, но хороший смолистый ствол, устроить ночлег у разло-

женного в средней части ствола костра, а когда бревно позже перегорит (естественно, при подбрасывании в костер мелочи и того, что тебе под силу), подтягиваешь в костер обгоревшие половинки. Ждать этого момента не надо. Надо спать. Гарантирую, что момент перегорания бревна не упустишь. Проснешься от похолодания.

В последнем своем походе, почувствовав начало заболевания и слабость, выбрал высокий толстый пень от переломленного ураганом кедра, собрал к нему всякого сушняка и поджег. Часа два было комфортно. Пламя гуляло по стволу вертикально вверх и щедро давало тепло, но под верхним слоем древесины была сырая сердцевина, не поддающаяся осыпавшемуся жару. Пришлось среди ночи собирать в темноте все, что способно гореть. Напоминаю, что это было на берегу большой реки, то есть в обстановке постоянной сырости. А вот такой же пень в продуваемых ветром сопках горел всю ночь. И было возле него чудесно.

И еще вариант. Нет ничего на земле, но есть сухое огромное кедровое или лиственничное дерево, а лучше два рядом, метрах в 2—4 друг от друга. Если дерево цельное, то дожди в сердцевину не попадают и гореть оно будет прекрасно. Поджигаете оба ствола, сотворив костры у основания, и любуетесь, как быстро пламя охватывает их, взбегаєт все выше и выше, а потом уходит в небо. Создающаяся между ними тяга напоминает гудение деревенской печи. В радиусе 5—6 метров создается зона комфорта. Согрейтесь

Костер

можно, обсушиться, но спать у таких стволов нельзя. Нужно дожидаться, пока они перегорят и рухнут. Тут надо сориентироваться, куда они упадут. Риск есть, но если ничего другого не остается, то лучше обогреться, обсушиться, а потом устроиться на безопасном расстоянии в ожидании падения стволов. И конечно, это можно делать только зимой, чтобы не вызвать лесной пожар.

Если есть возможность выбирать дрова для ночного костра, то желательно избегать ель. Что сухая, что сырая, она мало дает тепла, а то может вообще не разгореться. Зато много дает искр. Как огненные осы, они с треском разлетаются на несколько метров вокруг и какое-то время догорают на земле, на одежде, на палатке. Нет охотника или иного таежного человека, который не носил бы на своей одежде следы еловых искр. Бывают жуткие случаи, о которых лучше знать, чем не знать.

Жил в нашем курортном поселке маленький, щупленький старичок, незаметный такой. Но мне-то в поселке надо было знать всех. По-знакомился и с ним. Дедок весь светился, когда речь шла об охоте, но замкнулся, когда я поинтересовался его здоровьем. Позже выяснилось, что у дедка была еще одна страсть – водка. И вот на одной "царской" охоте, с присутствием больших начальников (а это много водки), где дед был главным человеком, консультантом, выпил он водки больше, чем мог, но меньше, чем хотел. Свалился у костра, завернувшись

Был случай

в телогреечку, и отключился. Остальные тоже попадали, кто где мог. Благо, была теплая сухая осень. Ночью кто-то проснулся от невероятной вони. Пахло горелой тряпкой и мясом. Пока глаза по тревоге разодрали, увидели, что лежит дед не двигаясь, фуфайка на животе выгорела и шкворчит передняя стенка живота. Жуткое зрелище. А деду хоть бы что — под наркозом. Залили-затушили, переполошились все. Бесчувственного деда доставили на самодельных носилках до дороги, а затем в районную больницу. Врачи были шокированы, увидев такого пациента. Выгорела вся брюшная стенка. Почти год проводилась пластика, стенку с трудом восстановили, но дедок зачах. В глазах только чертики остались. Случай из ряда вон выходящий, а с мелкими лесными ожогами можно встретить людей немало. Виноваты в этом чаще водка, бесшабашность, а уже потом елки-палки и искры.

И конечно, особое искусство — разжечь костер, решить все проблемы, ориентированные на его использование (отдых, приготовление пищи и т.д.), в засушливый период, вдали от воды. Если ситуация возникла у реки, то все просто. Разводи костер на отмели, на косе, на острове. Делай его небольшим, иногда сдерживай своевременным поливанием. Удобно, кстати, нажигание костра на галечной отмели или откосе. Если через 2—3 часа его ликвидировать или перенести в небольшом виде на другое место, то на прежнем кострище можно устроить

Костер

ночлег. Тепло до утра гарантировано. Но это у реки.

Был
случай

А вот был случай. Группа сотрудников и студентов медицинского института работала летом 1988 г. в экспедиции на Тумнинском минеральном источнике. Программа была обширная. Медики в таком составе впервые целенаправленно занимались изучением лечебных факторов популярного "дикого" курорта. Надо было подготовить солидное обоснование официального развития нового курорта, и среди прочих задач необходимо было дать медико-географическую оценку окружающей территории. Особо привлекательным местом для нас был потухший вулкан Айча. Не побывав на нем, нечего было даже заикаться о знании окружающей источник среды. Прикинув расстояние и сложность маршрута, мы с напарником, молодым крепким ординатором, решили выйти на вулкан в обед, после завершения работы с больными, за три часа подняться и за два часа спуститься назад. Благо, на всякий случай взял с собой рюкзачок, немного продуктов и флягу для воды. Поднялись по графику, даже чуть раньше. Не буду описывать все красоты постепенной смены растительного мира: от уссурийской тайги у подножья до альпийских лугов верхнего пояса. Оценив, что мы даже сэкономили время, решили на спуске сделать дугу по северному склону конуса Айчи в надежде выйти на еще один небольшой горячий источник. О нем рас-

сказывали местные жители. Эйфория нашего восхождения вскружила нам головы, и при спуске мы не заметили, как оказались по другую сторону водораздела. Только часа через два, поняв, что источник летом без проводника не найти (зимой по куржакам инея на деревьях издалека бы заметили), мы подумали об обратном пути. Назад далеко, решили срезать, как нам казалось, напрямик. Взяли ориентир по солнцу и пошли. С трудом поднялись по захламленному северному склону сопки, а за ней другая, еще круче. Солнце садится. Передохнув, ринулись вниз и энергичным штурмом, но на последнем дыхании, одолели вторую сопку. Вместо предполагаемой внизу дороги мы увидели впереди еще более могучую сопку. Все понятно. Мы пошли вдоль главного хребта по его отводкам. Сверху бы это выглядело как еловая ветка с симметрично отходящими веточками. А солнце уже село. Мышцы на ногах тянет с непривычки судорога. Принимаю решение. Нечего в темноте глаза на сучки нанизывать. Ночуем здесь! От вершины, точнее гольцовых камней, исходило приятное тепло дневного солнца. Багульник, кедровый стланик и редкие ели и пихты наполнили воздух смолисто-эфирным ароматом. Мы повалились прямо на толстую лишайниковую подушку и короткое время блаженствовали. Быстро поняли, что солнечного тепла надолго не хватит. Нужен костер, но кругом все как порошок. С трех сторон на приличном от нас расстоя-

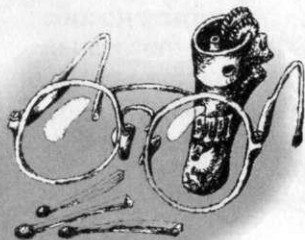
Костер

нии уже поднимались клубы дыма. Дождя не было месяц, и тайга полыхала по всему краю. Спуститься вниз – там сыро, но съедят комары. Аккуратно расчистили среди камней площадку, убрав верхние камни с лишайником. Вычистили все, что могло гореть между оставшимися камнями. Только потом разместили в центре дровишки и зажгли костер. Часа два еще не ложились на приготовленные на кромке каменного обширного очага лежанки. Следили за костром. Несколько раз огонь находит что-нибудь съедобное и коварными огненными змейками пытался проскочить глубоко между камней наружу. Приходилось ворочать новые камни, выковыривать горящий материал, пресекая тем пути распространения огня. И только когда все было вычищено или выгорело, мы успокоились. И огонь тоже.

Самый надежный и простой способ гарантированного получения огня – пользование спичками. Куришь, не куришь, а как минимум два коробка спичек должны быть с собой при выходе в лес, даже если идешь на час. Один коробок в кармане, лучше выше, в нагрудном, например. А второй в рюкзачке, сум-

ке, мешке. Да где угодно. И упакованы должны быть надежно. Можно использовать герметичные баночки, коробочки. Я закладываю коробок в полиэтиленовый мешочек, несколько раз скручиваю, подво-

рачивая свободные края, и сверху надеваю резиновую стяжку. Можно позаимствовать у жены резинку от бигуди. Главное при этом, чтобы со всех сторон было не менее трех слоев полиэтилена. В таком виде мои спички были и под дождем, и в зимней купели в полынье и... не подводили.

Один раз за все годы спички мои отсырели “по халатности”, так я вспомнил прочитанный давно рассказ и повторил описанные в нем действия. Оторвал терочку, а другой рукой взял пару сырых спичек и начал осторожно то и другое потирать об волосы. Больше за ухом. Минут через десять спичка нехотя, вяло загорелась. А вскоре запылал костер. В последние многодневные походы я беру еще и газовую зажигалку. Дешево, надежно, не боится сырости. Увеличительным стеклом — скрученным объективом от фотоаппарата — пользовался только один раз. Получилось. Правда, был фотоаппарат былых времен — “Зенит”. У новых моделей не знаю, скручиваются ли он. Хотя, жизнь заставит — скрутишь или выломаешь. К сожалению, мы потеряли навык пользоваться кресалом и кремнем, как наши предки. И тем более получать огонь трением двух кусков древесины. Об этом способе помнить надо, если это надежда. Но лучше до него не доходить.

Глава 3

Одежда

У природы нет плохой
погоды,
есть плохая одежда.

(Английская поговорка)

ДА, ИМЕННО одежда определяет во многом комфортность вашего пребывания в тайге. Впрочем, как и в любом другом месте. Хорошо, если вы заранее готовились к походу в тайгу, как, скажем, к посещению театра. Но если для театра важна внешняя атрибутика и временно можно потерпеть жесткий воротник и тесноватые туфли, то тайга таких недочетов в одежде не прощает. И даже строго наказывает за легкомыслие и незнание таежного этикета.

Для начала рассмотрим вариант планиру-

емого выхода в тайгу. Сразу необходимо взять на вооружение **первое правило: если пребывание в тайге планируется более чем на один день — не надевайте новые вещи**, будь то одежда или обувь. Самая элегантная и по размеру подобранная одежда преподносит, как правило, неожиданные сюрпризы. Непромятая одежда, не смягченная хотя бы однократной стиркой, любит творить потертости, причем в самых неожиданных местах, ограничивать объем движений, ширину шага. Незаметные на первый взгляд швы на носках, нижнем белье любят превращаться в грубые рубцы, дающие потертости за какие-нибудь первые полчаса. Если нет выбора, ну все новое, то поносите эти вещи дома хотя бы несколько часов. Уже вскоре вы можете обнаружить, что ладно сидящие брюки начинают сваливаться или местами теснить, рубашка при наклонах и приседаниях вылезает из брюк, рукава при поднимании рук коротковаты и сдерживают движение плеч. Значит, надо заметить или что-то подшить, перешить, пересадить пуговицы и т.д.

Правило второе: как можно меньше синтетики, особенно на нижнем белье.

В верхней одежде синтетика опасна при нахождении у костра, при пересечении пала или лесного пожара, издает демаскирующий шум при движении через кустарник. Синтетическое белье при неизбежном пропотевании или намокании от дождя, росы, мокрого снега и т.п. причин может превратиться в отличную наждачную бумагу.

Был
случай

Отрабатывая студенческую практику на Камчатке, я не мог по окончании ее не поискать способ посещения Долины гейзеров. В то время сложностей в посещении долины было много даже для камчадалов. Чтобы добиться же-

лаемого, пришлось организовать туристскую группу из энтузиастов, но случайно встреченных людей. Только такая организационная форма обеспечивала получение пропуска на посещение пограничной зоны, т.е. побережья Камчатки.

Один из нас, преподаватель академии им. Жуковского, офицер, решил, что наиболее удобной одеждой будет военная форма из модной тогда лавсаново-шерстяной ткани. На асфальте она действительно удобна. Но в тайге, когда мы в первое таежное утро вышли по росе в разнотравье выше моего роста, смотрю, наш спутник заскучал. Начал часто останавливаться, на лице нередко проскальзывала гримаса боли. Часа через два товарищ не выдержал, попросил помощи у будущих эскулапов. Оказалось, что за короткое время эта самая модная ткань стерла ему внутренние поверхности бедер до крови. А там еще и плавки капроновые. К счастью, у одной из девчат оказались сменные спортивные трикотажные хлопчатобумажные брюки, а офицер был некрупным мужчиной. Я как мог приладил ему с помощью лейкопластыря и бинтов обильно смазанные косметическими кремами, опять-таки от девчат, повязки. Сверху аккуратно натянули трико. И пошли. Товарищ ни разу не

пожаловался, скрипел зубами и шел. На второй день крем кончился, в ход пошло сливочное масло, которое перестали по такому случаю выдавать к завтраку. После двухдневного пребывания на гейзерах и ежедневного многократного купания в минеральной воде раны закрылись, и назад мы шли, радуясь за нашего "коллегу по несчастью".

Правило третье: первоочередное и особое внимание уделите обуви.

Оптимальный вариант: по сезону теплая, непромокаемая, но "дышащая", легкая, не дает потертостей, "держит стопу", не пробуксовывает на подъемах, неогнеопасная. Для женщин важно, чтобы обувь была еще и красивая. Недорогая! Если есть такая, то счастливого пути! Только сомневаюсь, что кто-либо имеет идеальный вариант. *Контрвариант:* не соответствует сезону (валенки, к примеру, летом, резиновые тапочки зимой), не по размеру, с высоким каблуком, болтается на ноге или, наоборот, очень тесная, непрочная (легко прокалывается колючками и сучками, рвется при нагрузках), горит как свеча, легко набирает, но не выпускает воду. Если это перечисление вызвало у вас улыбку, то напрасно. Нередко приходится встречать в тайге людей, обувь которых соответствует 4—5 перечисленным антикачествам. Как правило, она яркая и на первый взгляд даже красивая. На асфальте или ножках витринных манекенов! Но им-то куда шагать не надо, тем

Одежда

более бороться за собственную или чужую жизнь. Дальний Восток, а тайга именно его достопримечательность, в последнее время наводнен обувью китайского производства, главное достоинство которой яркость и дешевизна. Разваливается нередко за один день. Вот уж подведет так подведет.

А теперь давайте все же решим: что обуть? Если выход в лес однодневный, а это значит, что четко известна местность, то обувь можно подобрать в упрощенном варианте, смириться с некоторыми недостатками, только не из перечисленных выше контр-вариантов. При выходах за грибами, ягодами и другими дикоросами весьма удобны короткие резиновые или полистирольные сапоги, высокие ботинки армейского образца. Можно пойти в кроссовках, но внешний вид их явно изменится. Не в лучшую сторону. Удобными для таких походов были выпускае-

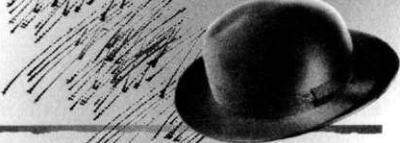
мые раньше массово кеды. Обувая сапоги, мы думаем о том, как сберечь ноги от воды. Весной и осенью это осо-

бо важно. А кеды или тапочки хороши на сухих местах, что в тайге бывает редко. В теплое время года мне привелось ходить в кедах через болота. Нога защищена от травм, легко, вода как набралась, так и вылилась. При наличии шерстяного носка минимальное количество воды в тех же кедах или даже сапогах, нагреваясь, тоже держит тепло, и обычно неприятен только первый контакт с прохладной болотной или ключевой водой. В межсезонный период лучше всего обуть резиновые сапоги. В сухую погоду и на день можно короткие, а вот в сырость, будь то дожди или первый снег, лучше болотники. При многодневных походах большинство туристов, охотников отдаст предпочтение болотникам. Тяжеловаты они, зато хорошо защищают ноги от сырости почти до уровня бедра. А выше промокаешь в общем-то редко. Как правило, при больших глубинах болот или речек ищут брод, залом, обходной путь. Или даже мастерят из подручных материалов плавсредства. Напролом все не пройдешь.

Мы возвращались в первых числах ноября с охоты. Три дня с удовольствием провели на сопочно-островном массиве с прекрасной уссурийской тайгой, расположенном среди обширных марей. Погода была чудесная, охота удачная. Взяли хорошего кабана, и теперь надо было возвращаться. Абстрактное понятие "возвращаться" в данном случае имело конкрет-

*Был
случай*

ный и весьма суровый смысл. От кромки нашего острова надо было прошагать около 20 км по болоту до замаскированной на его окраине "Нивы". Тяжелая поклажа, кабан, разделенный на две половинки, оружие и прочее снаряжение весьма заметно вжимали нас в землю. На сопках было просто тяжело, а на болоте мы обнаружили, что ноги проваливаются в рыхлую моховую подушку намного глубже, чем это было до начала охоты. Ну и совсем грустно стало, когда мы подошли к берегу пересекающей болото реки. Неширокая, неглубокая, с формирующимися ледяными заберегами. Пересекая ее первый раз три дня назад, мы аккуратно прошли по песчано-илистому дну под самый обрез болотников. Но тогда мы шли налегке. А сейчас по четыре пуда парного мяса. Первый шаг в воду — забереговый лед вдребезги, ноги по колено в воде и донном иле. Второй шаг — вода под обрез. С трудом развернулись на месте и вышли опять на берег. Что делать? Заломы все смыло последним паводком, дно везде болотистое, илистое. О том, чтобы расстаться с добычей, не могло быть и мыслей, не то что речи. Выход один, верней два. Или обоим по пояс пересечь речку и потом переболеть, или сделать это одному. Молча раздеваюсь догола, оставляю шляпу и очки, надеясь, что до них вода не доберется, взваливаю на плечи друга, признавшего, что другого выхода нет, и переправляю его на другой берег. Вода по пояс. Ледяная! Возвращаюсь, беру один рюкзак, переправ-

ляюсь. Делаю еще одну ходку. Друг уже успел смастерить костерок, но греться некогда. Обтираюсь какой-то тряпкой, надеваю сухую одежду, сухие сапоги, взваливаю опять ношу и вперед, почти бегом. Минут через десять мне уже не просто тепло. Жарко! Признаков простуды не было. Как видите, и сапоги не идеальная обувь, но в такой ситуации все же наиболее удобная.

Для зимних выходов в тайгу подбирать обувь еще более ответственно. Опять-таки на дневную прогулку вполне пригодятся теплые ботинки (если гулять по дорогам или хорошо пробитым тропкам), валенки, лучше подшитые войлоком, модные “дутьши”, унты. На многодневное пребывание в тайге, тем более при необходимости ходить по целине, лучше подходит традиционная охотничья обутка: ичиги, унты охотничьи (не путать с форменными, например тяжелыми летними), поршни. Есть специфические для каждой местности виды таежной обуви, изготавливаемые местными умельцами, и, как правило, это очень удобные для тайги вещи. А иногда и красивые. И как тут не вспомнить слова из “Песни охотника” первого удэгейского писателя и поэта Джанси Кимонко:

Хороша у сохатого шерсть, мягкая шкура большая:
Выйдут нарядные, теплые унты из нее.
Удэгейские женщины узорами их вышивают,
Удэгейские женщины особое знают шитье.
Я пошью унты в подарок — если б знали куда,
Увезут его на фронт поезда.

(Джанси Кимонко. “Песня охотника”)

Одежда

Что-то уже уходит в предание, например, половинки. Легкие, сшитые из выделанной под замшу шкуры сохатого или изюбра, они вызывают при первой встрече с ними полное недоверие. Вспоминаю, как бунтовала жена против первого моего выхода в тайгу в половинках. Она абсолютно была уверена, что я вернусь в лучшем случае с обмороженными ногами. На деле проявилась большая мудрость приамурских народов, для которых в разных вариантах половинки были основной зимней обувью. Легко, нога сухая, а следовательно, теплая. Идешь и, что называется, ног под собой не чувствуешь. Жаль, что уже почти никто такую обувь не готовит.

И конечно, может случиться ситуация, когда выбирать будет нечего. Во что обуть, например, пассажиры любого самолета в зимнее время? Ботинки с искусственным мехом и полистирольной подошвой. Обувь красивая, но для севера Италии, и даже не для юга Дальнего Востока. Вынужденная посадка, связи нет, помощь придет не скоро, если вообще придет. Могут не найти. А выбираться надо. Глубокий снег гарантирован в любой точке Дальнего Востока. Перед выходом “в люди” необходимо максимально утеплить ботинки. Можно сделать дополнительную стельку из подручного материала: пледа, обшивки кресла, рукава ненужного пальто

или... Вариантов много. Прекрасно, когда вместо стандартных нейлоновых носков окажутся или найдутся дополнительные шерстяные носки. Обулись! Теперь надо сделать все для защиты от проникновения снега в обувь, на манжеты носков, под брюки. Одним из вариантов может стать сооружение обмоток из опять-таки подручных материалов. Они найдутся в самолете, вертолете, автомашине, выброшенном на береговой припой катере и т.п.

Вспоминается фрагмент кинофильма, из числа не вошедших в историю советской кинематографии, но эпизод героический. Герой ради спасения товарищей отправляется в пургу до ближайшего поселка, но прежде чем идти, он сооружает из подручных материалов себе обувь, или обмотки-портянки поверх туфель. Герой вышел, решил проблему, но на бюро парторганизации разбирают его антипартийное поведение, выразившееся в использовании для аварийной обуви красной ткани революционно-праздничных транспарантов. Помните такие? Что дороже — тряпка, кусок дорогой обшивки транспортного средства или жизнь человека? Абсурд былых времен может встретиться и сейчас. Перешагните через него!

Как видите, я одним росчерком перескочил через одежду и попытался подробней рассказать об обуви. А теперь попытаюсь все синтезировать воедино на примере собственного одевания в свои экспериментальные скитания. Учитывая, что экс-

Одежда

перименты проходили в переходный период от зимы к весне, причем первый ближе к весне, а второй к зиме, одевался я в преднамеренно облегченном варианте, но с элементами обязательных для себя атрибутов. Одним из них являются простые кальсоны. Легкие трикотажные, хлопчатобумажные. С одной стороны, для холодного времени года это утеплитель, но нередко я надеваю

их и летом. Для чего? В тайге, как я буду много раз повторять, надо видеть и слышать вокруг все. Особенно на охоте. Часто приходится продирааться сквозь кустарник, не обращая на него внимание, а вот кустарник обращает на тебя внимание, цепляясь своими сучками, шипами, колючками. Только на Дальнем Востоке приходится продирааться одновременно через шиповник, элеутеро-

ражка с мягким эластичным козырьком. В последней экспедиции была модная комплектная с камуфляжной шапочка с отворотом — вариант былой знаменитой буденовки. Отворот оценил во время движения в пургу. Защищает уши, шею от прожигающего ветра и мокрого снега. Камуфляжка удобна еще обилием карманов, что в тайге немаловажно. В них можно расфасовать массу полезных и необходимых вещей и при определенных условиях отказаться даже от рюкзака. Но рюкзак у меня был. Для большей комфорта. Для рук были рабочие хлопчатобумажные перчатки. Знаете, белые такие, чаще китайского производства. Не спутайте с капроновыми. Перчатки при ходьбе по тайге порой весьма необходимы. Защита от холода, от комаров, от ненужных царапин. Особенно нужны они при заготовке дров, устройства ночлега. Веса они почти не имеют, а польза от них большая. На ногах хлопчатобумажные носки, сверху самовязанные шерстяные, однослойные байковые портянки и резиновые сапоги. Признаюсь, что во втором походе была у меня бивуачная обувь на ночь — калоши. Удобно, сняв сапоги и повесив их сушиться у костра, надеть калоши и доделывать микролагерь, поправить костер, вскипятить чай. Ночью приходится много раз вставать, заниматься костром, и многие знают, как тяжело натянуть при этом на ноги сырые сапоги. А так сунул ноги в калоши, и нет проблем. Кстати, надоумил меня на это ни много ни мало президент краевой федерации по туризму, за что я ему очень благодарен. Энергетические расходы

по тасканию калош в рюкзаке окупаются с лихвой таборным комфортом.

Если отключиться от экспериментальных походов, то в такой одежде я хожу в тайгу до ноябрьских праздников, включая и их. Некоторые мои товарищи ходят в энцефалитках поверх толстого свитера всю зиму. На мой взгляд, все же лучше зимой надевать хотя бы легкую грубосуконную или ватную куртку. Для защиты от холода энцефалитки зачастую бывает недостаточно.

4 ноября мы добрались до своего охотничьего барачка в предвкушении нескольких прекрасных празднично-охотничьих дней. По всем канонам можно было считать, что наступила зима, но мягкая, и моя одежда соответствовала межсезонному стандарту. Моему стандарту. Оставшуюся после перехода вторую половину дня занимались оборудованием избушки, заготовкой дров на зиму. К вечеру потеплело, а ночью повалил обильный снег, чередующийся с дождем. Утром мы тайгу не узнали. Деревья, кусты были покрыты ледяной коркой, перемешанной со снежными шапками. Небо было ясное, и всходившее солнце расцветило направленный в его сторону склон высоченной сопки всеми цветами радуги. Такого великолепия ледяного царства мы ни до, ни после не видели. И все это при навалившемся сильном морозе. Во второй половине дня на смену послециклонному затишью пришел ветер.

Был
случай

Это типично для полуконтинентальной погоды южных и центральных районов Дальнего Востока. Ветер крепчал, но работа на обустройстве путика в распадке проходила под прикрытием сопок и густой хвойной тайги. Где-то там, наверху, гудело и свистело, а внизу было тихо, но морозно. Только возвращаясь в барачек и пересекая невысокое отрожье хребта, я почувствовал пронизывающую силу морозного ветра. Было ощущение голого человека. На другой день надо было пробивать путик на гребне основного хребта и плато. В той одежде, которая у меня была, наверху делать нечего. Но и не сделать необходимую работу, отложить ее на потом тоже не хотелось. Потом может быть еще хуже. Морозы в нашем районе уже с середины ноября по ночам переваливали за -30 градусов. Перебирая на ночь на нарах подстилочное тряпье, натолкнулся на запасные портянки из офицерского шинельного сукна. Посмотрел, прикинул и ... пришил одну на энцефалитку изнутри на спину, а другую спереди. Получилось как два фартука. Один спереди, другой сзади. На бока не хватило. Да как оказалось – и не надо было. Утром полез в сопку и наверху оценил свое изобретение. Ветер злился, но не продувал. Отсутствие суконки с боков позволяло легко выходить трудовому поту, что также обеспечивало тепловой комфорт. При остановках на устройство ловушек я совершенно не мерз. И идти было легко.

Изобретение так понравилось, что я пользуюсь им до сих пор. Энцефалитка вся латаная-перелатаная, но подкладу-портянкам ничего не делается. Кстати, выручала меня моя супермодель и в поздний дождь. Сукно хорошо отталкивает воду, а даже отсырев, не менее хорошо держит тепло. Надо было запатентовать изобретение. Дарю идею тебе, читатель!

Питание

...ты лучше голодай,
чем что попало есть,
и лучше будь один,
чем вместе с кем попало.

Омар Хайям

В МОИХ экспериментальных походах вопрос о питании решался просто — его, питания, не было! Но это я, человек, заранее принявший такое суровое решение, т.е. запрограммированный. В этом небольшое, но утешение от мук голода. В экстремальных ситуациях нередко именно голод или угроза его становится основным поводом для паники. Да, с рюкзаком сухой колбасы находиться в тайге лучше, чем с мечтой о колбасе и других, пусть даже невкусных, но съедобных продуктах.

Решение “продовольственной программы” в случае вынужденного и долгосрочного пребывания в тайге без продуктов может решаться по трем направлениям.

Первый вариант. У вас есть минимальный набор продуктов, и вы, заведомо зная, что до ближайшей лавки или кухни несколько суток пути, растягиваете

свой скудный запас на длительный срок. Мой опыт подсказывает, что можно в течение нескольких дней сравнительно легко обойтись примерно десятой частью стандартного среднесуточного продовольственного набора (в калориях). Велик соблазн съесть все сразу, в надежде, что после этого вырастут крылья или удлинятся ноги и вы мгновенно выберетесь из ситуации. Напрасно на это надеяться.

Более того, мне приходи-

лось встречать несколько случаев развития острой кишечной непроходимости у людей, принявших роковое решение после длительного голодания. Кстати, бытует глубоко ошибочное мнение, что можно плотно наесться “наперед”. Заблуждение легко опровергается чисто математическим расчетом. Изве-

Питание

стна длина кишечника и средняя скорость перистальтики, что определяет время нахождения пищи в кишечнике. Несколько часов плюс время “складирования” в прямой кишке. И съедите вы расчетное и привычное количество пищи или в десять раз больше, одинаково через 3—4 часа у вас появится чувство голода, а то и определенные неприятности, связанные с перееданием.

Второй вариант. Сочетать первый способ со сбором дикоросов, попытками ловли рыбы, охотой при наличии оружия. Вариант хорош при умении находить или добывать что-либо съедобное. Сразу оговоримся, что в тайге съедобно все, что бегают, прыгает, летает и ползает. Мне доводилось и при нужде, и из кулинарного интереса есть то, что не принято употреблять в пищу в обычной обстановке. Ел белку, ондатру (водяную крысу), выдру, енота, собаку, кукушу, клеста, один раз ворону, змею, черепаху. Не скажу, что все было вкусно, но то, что энергии, полученной от этих экзотических продуктов, хватало для выхода из экстремальной ситуации — это точно! Один раз при командном пребывании в тайге я предложил товарищам “откусать” мясо случайно добытой рыси. Предложение было с негодованием отвергнуто. Через несколько дней запасы наших продуктов оказались на исходе, и я приготовил на ужин по-

хлебку (“кондер”) из рыси. За уши нельзя было никого оттянуть. Позже я узнал, что Россия в прошлые века специализировалась на поставках мяса рысей к столу германских курстфюрстов. Знали правители толк в мясных продуктах. Я не ел волка, лису, соболя, но знаю, острая нужда заставит, пересилю себя и буду есть. Я не называю здесь продукты традиционных видов охотничьего промысла, полагая, что никого не нужно убеждать есть или не есть глухаря, рябчика, косулю и т. д. Все рыбы дальневосточных рек съедобны. Другое дело, сможете ли вы ее, рыбу, поймать. Помните, что медведь ловит ее даже без снастей. К счастью, в наших реках нет рыбы фугу, а фенольная рыба водится только в основном русле Амура. Ну а если уж вы выбрались к Амуру, то к человеческому жилью попадете непременно. Считайте, что вы уже спасены.

Вариант третий. Нет у вас запаса продуктов. Совершенно. Нет оружия, рыболовных снастей и пр. Но вам повезло. Лето, осень! Можно найти съедобную ягоду, особенно осенью. Жимолость, голубика, брусника, рябина, калина, боярышник, виноград, кишмиш, шикша и другие ягоды и плоды не наполнят вас необходимым запасом энергии, но все же. Вообще-то я не рекомендую своим по-

путчикам целенаправленно заниматься сбором ягод. Сам соблюдаю это правило. Так, хватанул на ходу и — вперед. Есть несколько объективных причин для этого. Ягоды благодаря обилию органических кислот активно раздражают слизистую пустого желудка усиливает “муки голода”. Калорий почти ноль. Нередко энергия, необходимая для из сбора, нужней для продвижения вперед. В засушливых местах ягода прекрасно утоляет жажду. Даже зимой я люблю на ходу бросить в рот кисть калины и какое-то время перекатывать ягоду во рту до оттаивания, а затем медленно высасывать кисло-сладкий с горчинкой сок. Глядишь, пока плоские косточки выплюнул, уже полкилометра прошел. Хороша весенняя черемша, но тоже без хлеба и соли много не съешь. Ну, а если уж пришлось есть, то лучше выесть луковички и ближнюю к ним часть стебля. Они и слаще, и не такие жгучие. В подпаренном, в котелке, виде черемши можно съесть значительно больше. А если туда еще бросить несколько рыбешек или... лягушек, то будет объедение. Бесконечной темой является грибное меню. Я даже не пытаюсь подменить или расширить массу изданных наставлений по “тихой охоте”, но должен повторить “железное” правило: не знаешь гриб — не ешь! Не все названия грибов соответствуют действительности. Например, сыроежка не означает, что ее можно есть в сыром виде. Можете не отравиться, но пожалеете. Хотя! Я с удовольствием съедаю

сырую шляпку белого гриба или подосиновика. Научил меня этому, кстати, Б.Т.Штоколов. Да, великий оперный певец и исполнитель старинных романсов. Он искренне убежден, что поедание в сыром виде первого встреченного гриба обостряет нюх и глаз для поиска следующих грибов. Я видел эту малую трапезу, видел, с каким наслаждением Борис Тимофеевич вдыхал аромат гриба, аромат нашей тайги, и для него съеденный гриб был своеобразным ритуалом единения с незнакомой, но прекрасной дальневосточной природой.

Среди огромного потока парамедицинской литературы попадают книги типа “Дикорастущие съедобные растения”. Знакомство с ними позволяет определить наличие в тайге не менее сотни съедобных растений, но большая часть их предложена для применения в питание в качестве приправ, пряностей, гарниров. Как правило, предлагаются они в термической обработке. И то, и другое нам чаще не подходит. Лучше соблюсти уже упомянутое правило: не знаешь — не ешь.

Вкусным и питательным продуктом являются, конечно, орехи. Кедр, кедровый стланик, лещина, маньчжурский орех появляются осенью, но можно найти их и зимой. Это относится к кедру. Во время второго похода я буквально спотыкался об опавшие кедровые шишки, хотя было начало

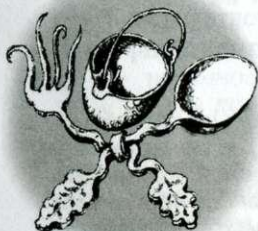

апреля. При желании я мог продержаться весь поход на кедровых орехах. Трудно представить более универсальный и ценный растительный продукт. Но у меня была жесткая цель — поход на полном голодании, и это определяет *четвертый вариант* — выход из экстремальной ситуа-

ции при полном голодании. Вполне съедобны перезимовавшие под снегом желуди, хотя перевариваются они с трудом, и при возможности их лучше немного проварить или запечь в костре.

Четвертый вариант. Полное голодание. Вариант не надуманный. Такое встречается часто, особенно при случайных попа-

даниях в экстремальные условия. Трудно, а неподготовленному человеку практически невозможно найти в тайге пищу зимой, ранней весной. Это плохо, это тяжело, но еще раз повторю — это не трагедия. Возможности человека позволяют обходиться без пищи и день, и два, и неделю, и две. Конечно, не следует путать лечебное голодание в комфортных бытовых условиях дома или под контролем медиков с условиями дальневосточной тайги и необходимостью постоянной, ежеминутной борьбы за выживаемость. Без воды сложнее, но это испытание для пустынь, океана. На Дальнем Востоке нет такого распада, чтобы там не бежал ключик. Иногда он прячется под кам-

ни, но докопаться можно. На северных склонах всегда есть сырой мох, из которого можно выжать достаточное количество влаги. В средних широтах Дальнего Востока по полгода лежит на сопках снег, на севере еще дольше. Единственное, о чем далеко не все знают, это то, что надо избегать питья воды из наледей. А какая это вкусная вода! Но коварная! Есть немало теорий строения молекул воды, и талая вода рассматривается как одна из самостоятельных форм ее существования. Накоплено достаточно информации о ее лечебных свойствах.

Однажды зимой перед выездом на коллективную охоту (четыре человека) я обнаружил у себя все признаки начинающейся ангины. По канонам медицины отлежаться бы, но я не мог отменить намеченную и хорошо подготовленную охоту. Лекарства я не принимаю. Много лет. Принципиально. Решил не портить друзьям настроение, не говорить о болезни, а на охоте себя просто немного пощадить. К вечеру собрались к машине. Настроение у всех бодрое, кроме меня. Чувствую озноб, слабость, шум в голове. Температура! Глотаю слюну с трудом. Напарники усадили меня на переднее сидение, направили на меня все источники тепла, и мы тронулись в путь. Через час машина "врюхалась" в наледь, и всем пришлось заниматься ее спасением. Кроме меня. Меня пощадил, да и толку было бы от меня. Изнемогая от жара и жажды, я решил напиться из наледи. Другой

Был
случай

• воды не было. Достал из рюкзака эмалиро-
• ванную кружку, открыл дверцу, и притопив
• кружку в жидкий снег, нацедил ее до краев
• талой водой. Решил: семь бед, один ответ.
• Медленно, делая паузы и цедя воду сквозь
• зубы, опорожнил кружку до дна. К этому вре-
• мени ребята вымостили кустарником доро-
• гу, подтолкнули машину сзади, и мы выска-
• чили на твердый зимник. Часа через два мы
• были в поселке, остановились у моего
• подъезда. Взял ружье, рюкзак и стою в рас-
• терянности. Что-то вроде забыл. Поднялся к
• себе домой, и только здесь до меня дошло.
• Я не забыл, а полностью исчезли боли в гор-
• ле, чувство жара и другие признаки ангины.

Но это случай однократного приема талой воды и защищенном какой-никакой пищей желудке. А вот пить постоянно на пустой желудок? Я полагал, что это тоже будет полезно. Ошибся. Более того. Я пренебрег замечанием эвенка Леньки, случайно встреченного в тайге, что он, как и все эвенки, никогда не пьет талую воду. Только чай или кипяченую речную воду. В нем говорила подсознательно мудрость своего народа, живущего в обнимку с природой. До недавнего времени! На третий день пребывания в тайге и употребления талой воды у меня появились боли в области желудка, необоснованно накатывающаяся слабость. Причем примешь с ладони один-два глотка талой воды — приятно становится, боль утихает, а через полчаса вспыхивает с новой силой. Забегая

вперед, скажу, что, постоянно стимулируя желудок, выделение желудочного сока, я, очевидно, добился самопереваривания слизистой желудка и двенадцатиперстной кишки, что и было подтверждено обследованием по возвращении в Хабаровск.

Конечно, хорош для питья чай, но там, где нет

колбасы, там, как правило, нет и настоящей заварки. А в тайге всегда можно приукрасить кипяченую воду лианой или ягодами лимонника, ветвями элеутерококка, кустиками брусничника, концевыми зелеными кисточками молодого кедра. Повезет, можно найти чагу. Летом можно добавить иван-чай, листья дикой смородины, липовый цвет, крапиву, наконец. И в любом случае это будет приятный

и полезный напиток. Особенно если сделать букет из всего перечисленного.

А есть еще одна разновидность “живой воды”. Весенний березовый сок. Мой первый экспериментальный поход проходил во второй половине апреля, что совпало с началом сокодвижения в этом районе. Первый день варил чай с лианой лимонника, брусничником и кедровой зеленью. Вкусно. А на ночь подставил котелок под берсзу. Утром я с наслаждением пососал сосульку из бере-

Питание

зового сока — это было на первое, а на второе выпил слегка подогретый на костре сок. Больше я чай не варил. Скажу только, что этот поход прошел без осложнений в здоровье, за что я благодарен именно березовому соку. Будем считать, что калорий в нем ноль, но даже минимум глюкозы, минеральные соли, биологически активные вещества оказали если не подкармливающее, то выраженное дезинтоксикационное (очищающее) действие. Нельзя снимать со счетов еще и энергетику живого дерева. Невероятно, но через неделю, выйдя из тайги, я еще несколько дней ходил вприпрыжку. Такой легкости в теле я никогда не чувствовал.

И все же как себя вести, когда есть возможность запастись продуктами на переход? Есть несколько проверенных жизнью поколений правил:

— никогда не наедайся впрок, дополнительные калории как раз уйдут на продвижение вперед собственного брюха. Да еще с одышкой будешь идти. А через 2—3 часа захочешь есть еще сильнее, чем до сытного завтрака или обеда;

— идешь в тайгу на день, берешь продукты на неделю. Ну, на неделю, наверное, слишком, но на лишний день, если знаешь маршрут, можно. А если не знаешь дорогу и не очень уверен в своих силах, то действительно можно и нужно взять продукты на неделю. По возможности продукты должны

быть калорийными, компактными, не требующими длительной варки, не разрушающимися от замерзания или от жары, неразливающимися, в небольших расфасовках. И на время можно забыть о диетах и рациональном питании. Да, избыток жиров способствует развитию атеросклероза, является фактором риска в отличие, скажем, от яблок или капусты, но

когда надо преодолевать за день 40—60 км “по горам, по долам” и тащить на себе рюкзак, а то и товарища, то лучше сала и мяса в любом виде трудно что-либо предложить. К сожалению, прилавки завалены сейчас дорогими импортными мясными копченостями. И если есть возможность избежать их, то так и сделайте. Это не антиреклама, а объективная оценка зарубежного дива. Кроме длительно сохраняющегося ощущения вязкого мыла во рту и многочасовой отрыжки не-

перевариваемого жира вы ничего не получите. Может случиться ситуация, что повезло вам, удалось по ходу вынужденного похода добыть зверя. Или есть возможность добыть зверя. Здесь уже включаются требования или нормы морали, этики. Надо ли убивать сохатого весом 300—400 кг, чтобы, поев его мяса, дойти через день-два до заранее известного поселения? Я в таких ситуациях не стрелял. Только не надо путать с охотой. Но если тебя ожидает многодневный пере-

Питание

ход через неизвестность ради спасения своей и чужой жизни? Ответ дать трудно. А если уже случилось, то по крайней мере можно постараться обойтись меньшим зверем, скажем, косуля, а не изюбрь. И добычу использовать максимально эффективно. Особенно это важно в теплое время года. Свежее мясо на третий день вы есть скорей всего не сможете. Для дальней дороги его следует подготовить. Лучше разделать на пласты, слегка подсолить, а затем над костром или у костра подвялить. Нет соли, все равно подвялить и одновременно подкоптить на костре. Во-первых, мясо станет легче почти в два раза, следовательно, можно больше забрать с собой, а во-вторых, оно сохраняется намного дольше, особенно если каждый вечер, остановившись на ночлег, его опять развешивать над костром, а утром перекладывать хвойными ветками.

Природа тоже придерживает (приберегает) иногда для одинокого путника гастрономические подарки. В средних и северных широтах Хабаровского края еще водится, например, дикуша. Чуть крупней рябчика, задумчиво вспоминающая историю своего рода от доледникового периода и поэтому, занятая своими мыслями, подпускающая человека на 2—3 метра. Можно сделать удочку, т.е. палку с петелькой на конце, и ак-

курратно надеть ее на доверчивую головку. Жестоко? Опять-таки коренные жители Дальнего Востока уверены, что лесные духи создали дикушу специально для спасения погибающих от голода людей. Но не для охоты! Помните, что дикуша занесена в Красную книгу, а не кулинарную. На берегах нерестовых рек и речушек может лежать засыпающая горбуша или кета. Не вкусно, но съедобно. После резкого спада воды в реках остается в отшнурованных мини-озерках или лужах рыбная мелочь, иногда в огромных количествах.

И уж конечно не рекомендую таскать с собой разные стимуляторы аппетита. Сейчас стало модно приправлять пищу кетчупами, майонезами, соусами, восточными пряностями. Лишний груз, который к тому же норовит загадить рюкзак, а аппетит вам в тайге и так гарантирован.

Одиночество

Не так без напарника плохо,
как с плохим напарником еще хуже.

(Собственное наблюдение)

ОДИНОЧЕСТВО — тоже испытание. Кто-то его переносит легко, другой хуже, а для кого-то одиночество серьезное испытание.

Несколько раз мне приходилось оказываться в критических ситуациях среди незнакомых или малознакомых людей. Видел брызжущую из них фонтаном панику, нервную суетливость, желание обвинить в случившемся всех окружающих. О некоторых и вспоминать не хочется или вспоминаешь как охотничьи байки. Кстати, об охоте. Начав активно заниматься охотой, мне при-

шлось два года формировать команду. И она сложилась из надежных людей не только по физическому состоянию и умению добывать дичь, а больше по духовной общности. Четыре человека, понимающие друг друга с полуслова, не нуждающиеся в командах и лидере, не избегающие никакой работы, интуитивно владеющие лесной этикой и моралью. Ни один из них ни разу не поднял руку на звериного детеныша, не вынул добычу из чужого капкана, не проехал и не прошел мимо попавшего в беду человека, не нашкодил в чужом барачке, не бросил подранка, не оставил непотушенным костер и не бросил тлеющий окурочок. И самое интересное в команде было то, что все были “волки-одиночки”. Любили охотиться в одиночку, и это было не в тягость, а наоборот, расчет на собственные силы и таежные навыки доставляли особое удовольствие от охоты. А вот вечером все собирались в барачке и долго “балдели” от рассказов-отчетов за прошедший день, с удовольствием уминая плоды чьей-нибудь удачи и даря первую дозу спиртного “поде” — лесному духу. Иногда мне приходилось брать с собой на охоту почетного гостя, и после нее команда аккуратно давала оценку новому человеку. Оценка была только в двух вариантах. Первая: нормальный мужик, с ним можно идти на охоту. Это при том, что гость мог даже не брать ружье в руки, но в нем был виден человек. Другая оценка: ну раз он тебе нужен, то потерпим. Это как приговор!

Одиночество

Но вернемся на исходную позицию. Даже у заядлых одиночек наблюдается огромная тяга к общению. Пусть вечером, ночью, но побыть вместе, среди тебе подобных — это составная часть поведения не только охотников, рыбаков. Тайга особо сближает.

Я был добровольно обречен на многодневное одиночество. Но это только так казалось. На самом деле даже в тайге могут быть неожиданные встречи. В своем последнем экспериментальном походе к концу первого дня я вышел на табор “шишкарей”. Кедровая шишка осенью не опала, а с приходом весны и под действием тяжелого сырого снега и началом отторгающего ее сокодвижения посыпалась. Несколько человек, организованных в бригаду, приехали на “ГАЗ-66” из Биробиджана, как я понял из их рассказа, и пять дней собирали в снегу опавшие шишки или лазили на кедры и сбивали их. Труд не из легких. Пробовал. Надо было видеть их удивление, когда вдруг раздвинулись кусты и вышел из тайги человек. Им казалось, что забрались они на край света, где явно никто им не встретится. После пятиминутного общения я понял, что нахожусь среди своих. Мне тут же были предложены ужин, чай и место для ночлега, но... По условиям эксперимента мне суждено одиночество. Выпив кружку чая без сахара (тоже часть эксперимента), я распрощался и с сожалением покинул гостеприимных мужиков. Пришлось идти до густых сумерек, с тем чтобы удалиться хотя бы на 5—8 км и не слышать никаких признаков челове-

ческого бытия. И не расслабляться.

На второй день, после безуспешной попытки штурма по глубокому настовому снегу стоящей на пути сопки, я вынужден был сменить курс строго на восток вместо желанного севера и часа через полтора вышел на берег Урми. Прodelал я за это время не более одного километра, т.е. скорость минимальная. Да и какое это движение. Выдергиваешь одну ногу из снега, помогая ей руками, переносишь ее подальше вперед и начинаешь так же выдергивать другую. Только вроде справился с задачей, как первая, при переносе на нее центра тяжести, проваливается почти до верхней кромки болотников. И так непрерывно. “Хвост вытащил, нос увяз”. Через 30—40 метров спина мокрая, нужен отдых. Вот тебе и скорость. Пробравшись сквозь береговые ограждения из сплошного ивняка на ров-

ное заснеженное поле основного русла реки, почувствовал огромное облегчение. И физическое, и душевное. Яркое солнце, твердая и ровная основа под ногами (снег по колено уже не в счет) вселяли веру в возможное вхождение в график похода. Конечно, снег сдерживал движение заметно, но явно не так, как это было в лесу. Огибая очередной остров, заметил, а верней почувствовал впереди какое-то движение. Первая мысль — показалось. Присмотрелся, щурясь от яркого солнца, — человек! Тут уж моя очередь удивляться. Откуда? Никаких следов, ничего, и вот те на! Смотрю, идет навстречу. Сближаемся. На широком добродушном лице встреченного путника узкие восточные глаза становятся все шире и шире, почти квадратными. После обмена приветствиями последовал его вопрос, переполненный сверхудивлением: откуда и куда? Ответ: из Хабаровска, иду на БАМ, на Могду. Видать, глаза уже не могли выразить все удивление, поэтому раскрылся в широкой растерянной улыбке еще и рот. И вдруг он меня, что называется, “срезал”. “А вы не тот профессор, что уже пытался в позапрошлом году пройти на север?” Настала моя очередь удивляться. В глуши, черт знает где, встретил человека, который явно и газет не читает (не доходят), и радио не слушает (батарейки дефицит), но знает и помнит такие подробности из моей жизни.

Оказалось, что это парень из заброшенного поселка Талакан, где уже многие годы никто, кроме

него с двоюродным братом, не живет. Позже я с ним встречался еще, и с братом, и надо было слышать горечь их рассказов о том, как умирало когда-то крупное нанайско-эвенкийское село. В далеком 1941-м мужчины ушли на фронт в первые месяцы Большой Войны и все сложили головы, успев нагнать ужас на фашистов своими меткими выстрелами. До 60-х годов село давало пушнину, лес, рыбу, дикоросы, мясо. А сейчас остались два скромных человека, оберегающих могилы и души своих предков. И никому они не нужны ни в большом городе, ни в ближайшем селе. Парень, как он заодно представился — Ленька, дал необходимые разъяснения и советы по ходу маршрута, предложил зайти в его дом, переночевать, а сам он шел в Догордон. Он там бывает два раза в году, запасается продуктами. Посокрушался, что хочет, но уже не может пойти со мной, хотя предложил подождать его и через пару дней пойти вместе. Неподдельная радость встречи и желание сделать что-нибудь приятное хлестали из него через край. Но надо идти. Мне на север, ему на юг. На прощанье сфотографировались, благо аппарат с автоспуском. Короткая встреча долго согревала меня своей искренней душевностью, хотя точно знал, что Леньку ждет там, куда он идет. Псевдодрузья-собутыльники, пьянка до последней нитки, после чего его выгонят из поселка, а он, вернувшись назад, будет год вспоминать, как хорошо “разгрузился” в людях. Это его одиночество.

Одиночество

Скорей всего кратковременное одиночество позволяет сосредоточиться, действовать в свободном от чужого влияния режиме. Может быть противоположный эффект — возможность расслабиться, действовать подсознательно, довериться собственным инстинктам, которые редко подводят. Кратковременность одиночества для одних определяется несколькими часами, других — сутками, кто-то может спокойно перенести недели. Но рано или поздно все равно нормальные люди нуждаются в общении. Эта потребность может носить патологический характер и создавать заметный дискомфорт в обстановке одиночества. С хорошим юмором это состояние отразил Л.Филатов в своем знаменитом “Федоте-стрельце”:

“Я полезных перспектив
Никогда не супротив!
Я готов хоть к пчелам в улей,
Лишь бы только в коллектив!”

В целом тема деликатная, проблема для каждого индивидуальная, но в чем я абсолютно уверен, что и день, и два, и неделю выдержать одиночество возможно каждому. А к тому же, что такое одиночество? На ходу, перед сном и проснувшись ночью или утром, все равно мысленно общаешься с близкими людьми, разговариваешь, советуешься, делишься. Хотите верьте, хотите нет, но близкие люди, находясь от вас на большом расстоянии, тоже чувствуют себя спокойнее, когда вы мысленно общаетесь с ними, то есть воспринимают как-то ваше обраще-

ние к ним. И чем спокойней и уверенней будете чувствовать и вести себя вы, тем спокойней будет вашим близким, переживающим за вас, ищущим вас.

А вот если вслух заговоришь с далекими или несуществующими людьми, тут уж извините — диагноз ставить надо. И помощь специализированную оказывать.

Проблема одиночества может иметь еще одно решение. Оригинальное для непосвященных и понятное и доступное для мало-мальски подготовленных людей. Изобретать ничего не надо. Внимательней приглядитесь к окружающему миру, дайте ему оценку не с позиций шибко грамотного материалиста, а, скажем, оцените его для начала глазами маленького ребенка. Обратите внимание, ребенок, предоставленный самому себе, разговаривает со своими игрушками, окружающими его предметами. Особо он любит разговаривать с животными, растениями, цветами, деревьями. Замечали? А это ведь не признак особенности конкретного, тем более вашего, ребенка. Это заложенная в генах программа, зарожденная еще на заре становления человека, в основе которой лежит иное восприятие окружающей среды. И ведущим компонентом ее является одушевленность многого из того, что нас окружает. Где-то на основе такого восприятия появились сторонники определенных религиозных течений, например друиды, где-то сложились легенды и мифы о русалках, леших, нимфах и т.п. Сегодня объективно доказано наличие энергетического поля у так называемой неживой

Одиночество

природы. Многие люди сохраняют подаренное детством и поколениями предков чувство живого восприятия окружающего мира, в т.ч. растительного. Так вот, находиться в лесу, тайге и не воспринимать *живое* начало ее — это значит обкрадывать себя. Я в свое время слышал поговорку: “В сосновом лесу молиться, в еловом удавиться, а в березовом веселиться”. И совершенно не осознав ее глубокого смысла, вычеркнул красивую поговорку из памяти. Много позже, став преподавателем мединститута и готовя лекции по климатолечению, дендротерапии, я вспомнил эту поговорку и обнаружил в ней глубокий смысл и мудрость наших предков. Сейчас научно доказано, что терпены (вещества, выделяемые листьями, хвоей и цветами) темнохвойных пород наряду с полезным фитонцидным действием угнетают функцию коры головного мозга, а терпены березовых, липовых рощ стимулируют деятельность центральной нервной системы.

Позже я научился воспринимать энергетику деревьев и определять, какие меня “подзаряжают”, а какие, наоборот, “грабят”. Это несложно, только надо сохранить в душе и подсознании “кусочек” того самого детства.

Так вот во время привала, подготовки к ночлегу и выбора места для него я ориен-

тируюсь не только на наличие дров и источника воды, но и породу деревьев и кустарников. С некоторыми из них, которые расположены ко мне, я общаюсь, мысленно разговариваю, как правило, уважительно, благодарю их за поддержку, извиняюсь и прошу прощения, когда вынужден отрубить ветви и сучья, а то и срубить. Рублю, кстати, или явно больные деревья, или делаю прореживание, облегчая более активный рост оставшимся. Можно мне верить, можно не верить, но и сегодня многие народы не случайно относятся к лесу не только с позиций голого практицизма. Лучше поверить мне пока на слово, а самому присмотреться к лесу, прислушаться, научиться общаться с ним и в критической ситуации даже обращаться к нему за помощью. И тогда в безлюдном лесу вы не будете одинокими.

Глава 6 Песня

*И тот, кто с песней
По жизни шагает,
Тот нигде и никогда
Не пропадет.*

(“Марш энтузиастов”)

ЛЮБОЙ коллективный поход всегда ассоциируется с маршевой песней. В одиночку, конечно, орать песню не будешь, зачем зверей пугать, тем более моим голосом, но можно спровоцировать себя на внутреннее звучание ритмичной музыки или песни. Вспоминается, как в первом экспериментальном походе на маршруте попала на зуб или язык песня, эта, как ее ... Названия не знаю, но слова припева “че те надо, че ты хошь” хоть руками от языка отрывай. В то время она часто звучала по радио, крутили ее на улицах торговцы кассетами, но в

живом исполнении я ее впервые прослушал в коллективе диспансера на праздновании 8 Марта. Ну, прослушал, ну, сам подпевал — и забыл. А вот через полтора месяца в таежной глуши песня всплыла, сами собой сложились слова, мелодия задорно зазвучала внутри, приобрела маршевой характер. Маршировал под нее три дня. Чувствую — уже в голове вибрации начались. Надо остановить эту внутреннюю музыку, пока не приобрела траурный характер.

Вспомнилось богослужение в синтоистском храме близ г. Кагосима (Япония), где монахи под ритмичные удары огромного барабана мощными голосами повторяли один и тот же куплет. Вначале вкрадчиво, потом все громче и громче. Слов его, естественно, я не знал, но ритм был как зубья на шестеренке. Все затягивали и затягивали. Я тогда не знал, что ради какой-то великой цели куплет должен быть повторен 10 000 раз, но уже через 5—10 минут увидел боковым зрением, что присутствующие входят в транс, губы их начинают нашептывать этот куплет. И тоже все громче, громче. Чувствую, что и я сначала про себя, а потом тихонько начинаю нашептывать этот проклятый куплет. Очевидно, я вовремя почувствовал начало своего вхождения в транс, и невероятным усилием воли перевел себя на ироническое отношение к окружающему и вышел из храма. Еще несколько дней периодически в голове всплывали этот ритм и незнакомые слова.

Легкая, незамысловатая песня с завораживающим намеком на “че ты хошь” действительно облегчала движение, но трехдневное звучание ее начало раздражать, появилось состояние отупения. Так дальше продолжаться не может. Опять-таки усилием воли заставил себя думать о другом, больше фиксировать внимание на окружающем. Очевидно, голод, дефицит питания головного мозга порождали какие-то короткие и мелкие мыслишки, чередующиеся с редкими, но глубокими и интересными, иногда просящимися на бумагу.

Но чаще высвечивалась простенькая оценка окружающей среды. Куда ногу поставить, как обойти препятствие, а что там мелькнуло, а чей это след и тому подобное. Нередко эти действия выполняются в автоматическом режиме. Чего в этом больше: защиты или потери своего Я, отупения, истощения? По-моему, присутствует и то, и другое. Что победит? Впрочем, и в повседневной жизни мозг нередко отключается от перегрузок, но мы этого не замечаем. Кто может вечером подробно рассказать, о чем он думал непрерывно в течение дня? Или о чем думает человек, глядя бесконечный тупой сериал? Только конкретное восприятие, больше ничего. Но тут уже просматривается программированное отупление.

В тайге эту ситуацию (отключение мозга) нужно использовать для отдыха. Отдыхает мозг, отдыхает душа — работает тело. Хорошо это получается на каких-то простых участках маршрута. Хорошо от-

ключаться на заброшенной дороге, протоптанной кем-то тропе, редколесье на склонах сопок, сплаве по спокойной реке. Часто отключаться не следует. Надо видеть все под ногами, над головой, вокруг, держать ориентир. Видеть и слышать все! Это дано не всем, но к этому стремиться надо. Не будешь поступать так — обязательно или собьешься с маршрута, или повредишь ноги, или... много этих “или”. А ты один и обязан выжить и выйти.

А если песни нет, ее надо придумать, вспомнить, взять ее на себя, и поверьте, вам легче будет идти, вокруг станет светлей. Надоест одна, выбросьте, возьмите другую. Чего-чего, а песен у нашего народа достаточно. Нужна песня и в процессе реабилитации после напряженного дня, для усиления эффекта отдыха. Для чего по вечерам поют туристы? Уверен, каждый даст свое объяснение, но интуитивно каждый воспринимает ее, песню, как обязательный элемент отдыха, создания атмосферы душевного равновесия.

Зазвонил на работе телефон. Знакомый голос Гали, жены друга из Биробиджана, с ходу ошарашивает: “Валера, если можешь, срочно приезжай. Вася умер. Подробности не знаю”. Вася — это наш общий друг по охоте, живет на окраине области. Хотя в этой ситуации больше соответствовало слово “жил”. Сообщение потрясло не только меня, но и всю мою семью, которая хорошо знала его понаслышке. Знали как прекрасного человека, удачливого охотника,

крепкого мужика и хозяина. Еще бы, недавно пятого ребенка сотворил. По воду ходил с двумя молочными бидонами. Представьте, каждый по 40 кг. Держал в удовольствие двух лошадей. На таких Россия держалась раньше. Что с ним могло случиться? Не должны такие мужики умирать! Конечно, надо ехать, хотя не верилось в случившееся. На другой день в полдень я был в небольшом тихом селе, и уже на подходе к Васиному дому зарались сомнения. Кто жил в деревне, знает, если есть покойник и готовятся похороны, то своеобразный дух печали витает в воздухе, и с каждым шагом ближе к его дому это ощущение, подкрепленное массой незаметных, казалось бы, признаков охватывает каждого человека. В тот тяжелый день я вот этого аромата смерти не чувствовал. В доме меня встретили с виноватыми улыбками родственники и сразу чуть не на колени: "Валера, прости! Ошибка вышла, глупость!" — и т.д. С трудом, еще не веря в такой оборот, понял, что кто-то еле-еле дозвонился до Биробиджана, качество телефонной связи описывать не надо, и полунамеками объяснил, что Вася уехал на охоту, поэтому пусть кто-нибудь из родственников приедет помочь его жене по хозяйству на время его отсутствия. С учетом всех огрехов "шифрованного" разговора и связи в Биробиджане поняли, что Вася умер и родственники вызывают помочь. Галя, как близкий друг семьи и активный человек, тут же обзвонила всю родню от Байкала до При-

морья. Ну ладно. К вечеру стали прибывать родственники, и с трудом до них доходило, что Вася жив, но ушел на несколько дней в тайгу. Особенно тяжело, со скрипом доходило это до родного брата Васи, приехавшего издалека с мешком продуктов и ящиком водки. Тогда водка была в дефиците. А когда дошло, он сделал самое оптимистическое заявление: раз уж приехал, то пока всю водку не выпью – не уеду! Надо сказать, что из гуманных соображений я ему немного помог. Мужиков в доме больше не было, и надо было поддержать компанию, тем более такую. Пили в основном за здоровье Васи, оценив ситуацию как верный признак грядущего долголетия.

На другой день я уже выходил из дома на поезд, когда к воротам подъехала знакомая “Нива” и из нее вывалили со счастливыми физиономиями Василий, Макар, муж “звонаря” Гали. Увидев меня, они остолбенели, а увидев брата Васи – оказались на грани шока. Я обнял ребят, хотя какие ребята, по 50 лет, попрощался и, сославшись на поезд, зашагал на станцию. Все это было перед Новым годом, а после праздников звоню в Биробиджан узнать – как там Вася? Как и ожидал – очень плохо! Первый день, узнав, в чем дело, Вася хорохорился, шутил, а на второй только день до него дошло страшное – приезжали его хоронить! И ничто не могло вывести его из состояния полушока. Или даже шока.

На старый Новый год у Васи день рождения и

закрытие сезона охоты на копытных. Стало традицией собираться ближайшим друзьям на эти мероприятия. На сей раз у меня что-то не складывалось с поездкой, на что Макар взвыл: "Ты что! Приезжай, ты же врач! Надо что-то делать! Иначе Вася свихнется!"

Прикинули, порядили семьей, решили: ехать! Все было как обычно, добрались до замаскированной землянки, разбежались по сопкам, вечером собрались без добычи, и все это с пассивным участием и при абсолютном молчании нашего угрюмого друга. Благо, с предыдущей охоты в снегу оставался кусочек кабанятины, я сам стал к печурке, остальные помогали, и к ночи у нас был отличнейший праздничный ужин. После пары рюмок пошли разговоры о прошедшем неудачном дне. Разговоры были какие-то тяжелые, как будто рядом и правда находился покойник. После третьей рюмки страсти стали накаляться, а я отвалился на нары, отдышался от сытной трапезы, с трудом вникая в суть ничемных споров, и ... запел первую пришедшую на ум песню. Может, мне казалось, что я пел, а на самом деле выл, но я старался. Ребята спорили, но уже не так страстно. Я начал вторую песню. Ребята затихли. Я начал следующую. Ребята стали тихонько подпевать. Через полчаса крыша землянки с трудом держалась на месте от звукового давления нашего охотничьего хора. Творилось что-то невообразимое. Пьяными мы точно не были, а вот какой-то

объединяющий подъем почувствовали все. Закончив одну песню, наперебой предлагали каждый свою, новую песню. Пели ее, пели следующую. И наравне с нами, с горящими от восторга глазами, пел никогда не певший Вася. И откуда прорвалось? Правилом хорошего тона стало обязательное руганье былых времен, но оказывается, пионерское детство, комсомол, субботники, уборочная, стройотряды оставили свои следы в коре и подкорке нашего головного мозга. И память сработала, стала выбрасывать информацию о песнях былых лет. Простых, но задушевных, легких и удобных для воспроизведения, чего не скажешь о современных. Те песни куда-то звали, вдохновляли, очищали, воспитывали. В них почти не было слов о партии и вождях, как сейчас все пытаются представить, но они развивали чувство Родины. Родины большой и малой. Мне кажется, что случись подобная ситуация с 20—30-летними, они не запоют. Не о чем и нечем петь. Пустота!

В полночь мы вышли наружу с оставшейся бутылкой, карабином и всеми трассирующими патронами. На морозе выпили за день рождения Васи, за Новый год, за охотничье счастье и отсалютовали трассерами, распугав, очевидно, всю живность. Но нам было не до нее. Мы были счастливы – Вася ожил! Он весь сиял от сознания собственной жизни, здоровья, оставшихся позади переживаний.

Уснули только к утру. Собакам было напле-

вать на наши чувства, и они с рассветом под-
няли нас нетерпеливым повизгиванием и ти-
хим призывным лаем. Быстро собрались, с
тяжелыми от бессонницы головами и легким
сердцем разбежались по сопкам. Как ни
странно, но удача в этот день улыбнулась каж-
дому. Но мы рады были не столько ей, сколь-
ко радовались за Васю. Он стал прежним! А,
по-моему, даже лучше, как человек, достой-
но прошедший серьезное испытание.

Вот вам и песня!

*Песня
в дорогу...*

**Страдания
«Экстремала»**

Слова автора,
музыка народная.
Исполняется на мотив
«Лучше быть сытым,
чем голодным...»

Лучше дрова совсем сухие,
чем со стекающей водой.
И лучше теплогенератор,
чем хворост или пень сырой. } 2 раза

И лучше спички с зажигалкой,
чем от мороза волчий вой.
И лучше крыша над башкою,
чем беспризорный домовой. } 2 раза

Спать на кровати вдвоем лучше,
чем на снегу лежать в тоске.
И лучше ложкой есть тушенку,
чем скользнуть пальцем в пустоте. } 2 раза

И все же я с тайгой сроднился,
привык к таежной кутерьме.
И с ведьмой, лешим окрестился,
зигзаг такой в моей судьбе. } 2 раза

Откуда дети появились,
не знаю сам — всегда в пути.
В подругу верю дорогую,
и лучше мне уж не найти. } 2 раза

А коль случится заблудиться,
без пищи быть и без одежд,
То надо к книге обратиться,
она залог твоих надежд. } 2 раза

К о н е ц

Глава

*Тайга. Глухомань. То болота, то сопки.
Я не раз тонул в твоих реках,
Голодал и спал на снегу,
С ледяною коркой на веках.
По распадам плутал в снегу.*

*(В.Португалов.
"Тайга. Глухомань". 1962)*

БЕЗОПАСНОСТЬ должна рассматриваться с двух позиций. Первая — необходимо максимально безопасным сделать пребывание человека в тайге. Опасность кроется уже в самом факте нахождения человека в экстремальных условиях дальневосточной тайги, природы, климата. Даже когда все благоволит человеку, ну, скажем, повезло: есть соответствующая одежда, пища, огниво, оружие, карта или четкий ориентир, то и это не дает права считать человека вне опасности. Есть еще одна форма серьезнейшей опасности: внутренний мир самого че-

ловека, его душевное состояние, часто выраженное понятием стойкость духа. Мое личное убеждение, что тайга сама стимулирует этот самый дух. Другое дело, потолок стойкости духа, умноженный на состояние здоровья, у всех разный. Сколько приходилось изучать трагические исходы борьбы человека с тайгой, практически во всех случаях явно просматривается, что человек боролся, шел, полз, сигнализировал. Другой раз не хватило ну чуть-чуть, и человек бы победил. Можно рассказать десятки жутких историй о работниках изыскательских партий (как правило, это городские люди, “больные” романтикой), школьников, идущих домой сквозь тайгу из школ-интернатов и не дошедших в пургу до базы или дома каких-то 300—500 м. И все они сделали больше для выживания, чем могли, но, к сожалению, меньше, чем надо было для победы. Тайга создала им экстремальные условия, но она же и толкала их вперед. Это сложно для объяснения, и если что-то в этой фразе непонятно, то прошу, забудьте. Могу только достоверно заявить, что в городе от безысходности и без сопротивления погибает людей больше, чем в тайге.

А теперь, коль затронули зимние проблемы выживания, раскроем эту тему подробней.

Верным, а скорей грозным признаком надвигающейся опасности для одиночки зимой, да и не только, является появление сонливости на фоне сильной усталости, неожиданно накатывающееся тепло и ощущение уюта или комфорта. Если ты поддался усталости и призрачной благодати и присел отдохнуть

Безопасность

только на минутку, то за ней может пойти вторая, третья, десятая, вечность. Надо поймать себя на крючок самоконтроля, встать и продолжать двигаться вперед, чего бы тебе это ни стоило, или начать готовить стоянку с костром и прочими атрибутами бивуака.

Будучи студентом первых курсов, приехал я на зимние каникулы в свой родной поселок. Через несколько дней решил размяться, сходить на охоту. Занятие это в поселке не поощрялось, поэтому ни снаряжения путевого, ни лыж охотничьих не было. Надел валенки, фуфаячку, сунул в один карман кусок хлеба с салом, в другой патроны, взял ружье и пошел. Да не куда-нибудь за околицу, а к хребту Вандан, что синим контуром просматривался к югу от поселка. Молодой был, сил много, а дури, т.е. самоуверенности, еще больше. Снегу в ту зиму навалило более чем достаточно, и местами приходилось пробиваться, проваливаясь по пояс. Ничего я, конечно, не добыл. Все живое убегало или улетало от меня, верней от производимого мной шума, задолго до моего приближения на расстояние выстрела. К вечеру выбился из сил основательно, но был спокоен, зная, что у подножия хребта меня ожидает лесовозная дорога до леспромхоза, а от него оставалось пройти 10 км по железной дороге до дома. К ночи рассчитывал вернуться. Каким был мой ужас, когда я поднялся на заснеженный бруствер из пней и бревен, обрамляющий знакомую мне дорогу. В эту зиму по ней

Был
случай

не проходила ни одна машина, и она сверкала нетронутой белизной. Глубина снега не меньше метра, и идти до леспромхоза 8—9 км. Как я ни старался, больше 1 км/час скорость не получалась, а сил на каждый метр уходило как на 10. Оглянувшись на последний лучик закатывающегося солнца, я представил, что меня ожидает. Голодного, в отсыревшей от непрерывного “плавания” в снегу одежде, вымотанного до предела. Принимаю решение: надо отдохнуть, расслабиться, снять спазмы с икроножных мышц, а потом... месить снег до победы. Выбиваю ногами то ли лунку, то ли окопчик над лежащим на земле бревном, опускаюсь на него, и почти мгновенно по мне раскатывается приятное тепло. Сначала на плечи, спину, потом растекается по рукам, опускается на ноги. В какое-то мгновение ловлю себя на мысли — опасно! Мороз никто не отменял, но передохнуть надо. Ставлю меж колен одностволку, палец размещаю на спусковом крючке. Срез ствола немного выше опущенной головы. Засыпаю со сторожем в голове, рука с упором на колене и палец на спуске. Сколько времени дремал, не знаю, но очнулся от грохота выстрела. Видать, когда отключился полностью, отяжелевшая рука и палец произвели выстрел. Встал, с трудом распрямил спину, поясицу, ноги, подтянулся, напрягая все мышцы, встряхнулся и понял, что я хорошо отдохнул. И зашагал, раздвигая и разгребая снег всем телом. К полуночи я вышел в поселок Лесной, накатанная дорога которо-

Безопасность

го показалась наградой за все мои мытарства. Отыскал дом своего однокашника, тоже гостившего у своих родителей. Ужас в глазах хозяев подчеркнул, что прошедший день дался мне нелегко. Хозяева бросились накрывать стол, но я мгновенно уснул, как только присел на мягкий диван.

Описанный прием самоконтроля, конечно, необычный. Не всегда бывает под рукой ружье, но не было бы ружья, придумал бы что-нибудь другое.

Знаю случай, когда в подобной ситуации товарищ, присев отдохнуть, воткнул вокруг себя несколько палок заостренными концами вверх. Когда он начинал засыпать, то заваливался на одну из "пик" и просыпался. В другой ситуации знакомый отдыхал на высоко задранной валежине, а когда стал засыпать, то свалился с высоты 1,5 метра. Проснулся. Могут быть другие варианты.

Задача в том, что просто необходимо давать организму передышку, но при этом не замерзнуть, не уснуть вечным сном.

Двоим, троим легче справиться с зимними таежными наваждениями, маскирующими острые зубы лютого холода, хотя бывают трагедии и коллективные. Я часто с ужасом вспоминаю историю о трагедии на Шипке во время русско-турецкой кампании на Балканах, когда в пургу, явно не сравнимую с более жестокой дальневосточной, погиб от холода целый полк русских гренадеров. Стоя на Шипке, я уже не слышал слова гида, не любовался прекрас-

ным видом, а машинально прикидывал, как можно было сберечь отборных, но слишком послушных русских мужиков в этих покрытых лесами горах. Можно! Как бы то ни было, но выходцы из столичных кадетских корпусов больше были приспособлены для парадов, а не для выживания в экстремальных условиях. Суворовых среди командования русской армии было не так уж много. Не случайно купленная ценой неимоверного мужества и кровью русских и болгар победа на Балканах стала последней в истории царской России. “Щелкоперам” из средств массовой информации, расхваливающим на все лады имперскую Россию как золотую и благословенную эпоху, следовало бы иногда вспоминать позор Порт-Артура, бестолковость германского фронта, поражение кадровой белой армии.

Но вернемся на грешную, а верней суровую, дальневосточную землю. И опять-таки зимой. Но теперь участник ситуации — коллектив. Маленький.

Охота была удачной. Для меня. Забрались мы в глухое урочище, где в далекие 40—50-е гг. велись лесозаготовки, и в память о них остались по распадам развороченные, еле просматриваемые волокы. По одному из них мы забрались на “ЗИЛ-157” до упора и разбежались в разные стороны. Двое направо, куда уводил след нескольких изюб-рей, я налево. Свежевыпавший снег обильно и аккуратно прикрыл землю, деревья, кустарник. Каждый след был тоже свежим. На поло-

Был случай

Безопасность

гом склоне сопки можно было изучать азбуку следопыта. Через полчаса я встал на "парной" медвежий след, уходящий вверх, на кедрово-пихтовый гребень сопки. Почему он не залег перед снегом, было непонятно. Как-никак середина ноября. Зима! Дальше шел осторожно, напрягаясь при каждом шорохе. Боковым зрением увидел сбоку, слева что-то темное. Присмотрелся, вроде бы пень горелый или часть валежника. Тут же поймал себя на мысли: а почему он не прикрыт снегом? Что-то не так! Учитывая свежесть медвежьего следа, прикинул, а не "хозяин" ли решил скрадку сделать? Вспомнил про лежащий в рюкзаке бинокль, который брал на охоту крайне редко. На сей раз взял, рассчитывая на обзорность высоких сопок, на которые я еще не забрался, но они меня ждали. Аккуратно снял рюкзак, вынул бинокль, навел на пятно. Без бинокля размер его был с лист школьной тетради. Бинокль размер особо не увеличил, но четко показал жесткую черно-коричневую шерсть. Кабан! Верней, какая-то часть кабана, видимая как в окне. Бинокль на шею, штуцер к плечу, ловлю пятно на мушку. Расстояние метров 150. Смирную легкую дрожь и плавно нажимаю курок. Выстрел. Пятно мгновенно исчезло, но раздался страшный рев. Неужели медведь? А сам уже бегу к зверю, на ходу перезарядив ружье. Вырвавшись из заснеженного кустарника, увидел стоящего на передних ногах... сохатого. Отстегнутый тяжелый зад был плотно прижат к взбитой попытками подняться зем-

ле. Такого перевоплощения кабана в медведя, а медведя в сохатого я не ожидал. Зверь в тридцати шагах и пытается ползти на меня. Делаю санитарный выстрел в шею, под голову. Готов! Какое-то время судороги пробегают по лоснящейся шкуре и затихают. Меня распирает от гордости и радости. Я взял первого в своей охотничьей биографии сохатого. Даю сигнальные выстрелы и начинаю разжигать костер. Обычно к моменту закипания чая появляются напарники, а дальше совместная разделка туши и все такое. Попил чай, а друзей нет. Что же, придется обдирать и разделывать самому. Попробовал развернуть тушу поудобнее – тяжело, не поддается. Никто не учил меня разделывать сохатых, но сообразил, что классически я с ним не справлюсь. Решил отчленивать по одной ноге, а потом доделать все остальное. Благо, не был задет кишечник. Пуля пошла точно в крестец. В общем, намаялся досыта. Полагая, что до машины не более 2 км, решил одну заднюю ляжку снести вниз, не дожидаясь подмоги. С трудом натянул на нее полиэтиленовый мешок, затем рюкзак. Не менее трети торчало снаружи. Увязал. Лежа на рюкзаке, вдел руки в лямки и попытался встать. Не удалось. Сил не хватило. Принимаю другое решение. Беру ляжку за сустав на бечевку и тащу ее волоком. Благо, вниз по снегу. За час добрался до места, где мы разбежались. Машины нет. Развернулась и ушла. Груз бросил, пошел по колею и только через час увидел машину и блаженного водителя, отсыпав-

Безопасность

шегося весь день в теплой кабине. Выстрелов он не слышал, но решил, что мы спустимся с сопки где-то здесь. Напарников он тоже не видел и не слышал. Пока разожгли костер, сварили чай, я обсушился, стемнело. Тут подошли напарники, вдвоем, один сильно прихрамывает. Оказалось, что они перевалили через хребет в погоне за изюбром, забрались в какой-то бурелом, где один из них подвернул ногу, а дальше им было уже не до охоты. Ветер дул от них в мою сторону, и выстрелов они не слышали. Сообщение о моей удаче заметно подняло их настроение. Вместе перекусили, сели в машину и доехали до моего волока. Наступила ночь, но чистая, ясная луна достаточно хорошо освещала все вокруг. Надо идти за остальной добычей. Водитель было заартачился, как же, он должен следить за машиной. Быстро объяснили ему, что даже за 2 часа ничего с ней не сделается, а управиться можно за 1 час. С учетом того, что уже есть готовая тропа и мясо лежит разделанное, Тихон, кстати, самый тяжеловес среди нас, отправился без разговоров, несмотря на травмированный сустав. Перед выходом мы наложили ему тугую восьмеркообразную повязку. Безотказный Петрович, не разговаривая, двинулся по моему следу в сопку, подталкивая впереди Мобутика, водителя. Неплохой водитель, скромный мужичок, отличался небольшим ростом и непропорционально короткими ногами, что делало его непригодным для ходовой охоты. Широкое полувосточное лицо с

добрый улыбкой весьма схоже было с мелькавшими в свое время на страницах газет фотографиями вождей Анголы Чомбе и Мобуту, и какой-то острослов накрепко приклеил ему новое имя. Обижался ли Гена на него, не знаю, но на новоиспеченное имя со временем стал откликаться. Хотя в деревне у многих есть прозвища, было оно и у меня.

Загрузив по невероятной ноше и закопав оставшееся, быстро спустились вниз. Заложили все в кузов-фургон, выпили немного "на посошок" и, отдав дань "поде", двинулись домой. Дома нас ждали вечером, мы должны были, по нашим расчетам, вернуться ночью, что стоило бы определенной дозы волнения домашним. Но победителей, т.е. удачливых добытчиков, не судят. Машина надежная, водитель опытный, за час-полтора выберемся на накатанную лесовозную дорогу, а там... Резкий толчок, машина вздыбилась, провалилась, заскрежетала и остановилась. Минуту сидим молча, соображаем, что произошло. Вышли из кабины, ребята выскочили из фургона. Огляделись при свете фар и фонарика. Мобутику и Тихону, как специалистам, все стало ясно сразу. Мы с Петровичем тоже быстро вникли в проблему. Трехосная машина, мощно гребя всеми шестью колесами, пыталась перескочить через две довольно толстые валежины, лежащие клином в нашу сторону. Передние колеса тщетно пытались перескочить их, но стволы были так толсты, что передок завис на них на полуосях, а зад-

Безопасность

ние колеса продолжали толкать машину вперед, и... передние колеса растащило на этом своеобразном клине, порвало дифференциал. Поломка в полевых условиях, без запчастей и приспособлений, неустраняемая. Время 10 часов ночи. И вот здесь началось самое интересное. ЧП состоялось. Устранить поломку своими силами невозможно. Можно переночевать в фургоне, там печка, не замерзнешь, но... Никто не знает, где мы находимся, и встревоженный дома и в гараже народ не знает, где нас искать. Про панику дома вообще лучше не думать. До ближайшего поселка около 40 км, из них первые 10 по пробитой нами колее. Кому-то надо идти. Отпустить одного, да и кого, опасно. Надо идти двоим. Здесь начинается ребус из серии: на берегу лодочник, коза, волк и капуста. Как лодочнику перевезти их на другой берег и чтобы... и т.д. Знакомо с детства? А здесь жизнь. Четыре человека. Ходока два: Петрович и я, хотя у меня было ощущение, что я за день выложил все силы в спокойной уверенности в том, что вечером меня ожидает уютная кабина надежного автомобиля. Я не случайно подробно описывал мытарства прошедшего дня. Тихон с растяжением связок и получивший дополнительное травмирование на выносе сохатины сразу исключался. Он только смотрел словно виноватыми глазами и беспомощно разводил могучие руки. Мобутик даже не допускал мысли, что ему придется куда-то идти пешком, а уж 40 км... Оценили

ситуацию с другой стороны. Машину знают двое: Тихон и Мобутик. Петрович с трудом разбирался в мотоцикле, я в велосипеде. Ну, придем мы “в люди”, а организовать сбор всего необходимого нам явно будет не по зубам. Или не по мозгам. К счастью, мое лидерство не было официальным, но и не оспаривалось. Принимаю решение: идем я и Гена, т.е. Мобутик. “Ты за день в машине отоспался, дойдешь. Петрович, готовь дрова на ночь. Тихон не инвалид, слей воду, снимите и за тащите в фургон аккумулятор и спите. Только не угорите. Мяса немного есть (шутка), с голоду не погибнете”. Гена после моих слов опустил на снег, широко раскрыв рот и потеряв дар речи. Остающиеся ребята, понимая, что предстоит нам, ретиво кинулись делать сказанное. Как будто ждали какого-нибудь дела, чтобы загладить вину перед нами. А в чем их вина? Никто и не собирался их винить. Гена тем временем пришел в себя: “Нет! Нет! Я не пойду!” Я молча облегчил карманы, снял патронташ, оставив нож и несколько патронов в дорогу. Встряхнул плечами, проверив, не мешает ли что. Вроде не мешает, кроме тяжелой усталости в ногах и пояснице, накопленной за нелегкий, но красивый день. “Гена, вперед!” В ответ то ли плач, то ли скулеж: “Не пойду!” Ребята смотрят на нас. “Пойдешь...” — говорю я тихо, но многозначительно, переломив ружье и вложив в стволы два патрона: нарезной и картечь. Отблеск латуни в бледном свете закатываю-

Безопасность

щейся луны, лязг оружия, решительный вид и голос старшего при молчаливой поддержке остальных, видно, подействовали. И дошло до сознания, что другого варианта нет. Он не пошел. Он побежал смешными мелкими шажками, загребая снег низкой мотней ватных штанишек. Я дал ему возможность "выпустить пар" и успокоил, насколько мог, что торопиться не следует. Надо идти обычным шагом. Моим. Силы нам еще пригодятся. Притихший на ночь ветер сменился довольно сильным морозом, но мы его не замечали. Я шутливо подгонял Гену, он не огрызнулся, а послушно ускорял шаг до моего темпа. Километров через пять поменялись местами, я стал впереди. К счастью, во мне не было утренней прыти, и Гена хоть и с трудом, но поспевал за мной. Часа через два, а это около часа ночи, вышли на лесовозную дорогу, идти стало легче, и появилась надежда, что нас может догнать лесовоз и подвезти. Время, дорога и ночь делали свое дело. Хотелось сесть на одно из придорожных бревен и не шевелиться, минуту поспать. Но я-то знаю, что уснуть можно навечно. Смотрю, Гена отстал почти на сотню метров и идет раскачиваясь, опустив голову и плечи. Мимо очередного бревна он пройти уже не мог. Упал на него и замер. Пришлось вернуться. Он уже посапывал с блаженной улыбкой на лице. Я сел рядом, не торопясь расправил плечи, спину, вытянул и слегка промял ноги. Затем достал из внутреннего кар-

мана куртки аварийную плитку шоколада. Иметь его при себе стало привычкой. Чаще по возвращении с охоты он идет детям как гостинец "от зайчика". Пользоваться по назначению приходилось редко, но сейчас тот самый случай. Растолкал мычащего от непонимания происходящего Гену, чуть не силой всунул ему кусочек шоколада, съел четвертинку сам. Остальное отложил на потом. Позади километров 15 — 18, впереди чуть больше. Дойдем. "Гена! Идем!" Гена безропотно поднялся и зашагал, не открывая глаза. Через какое-то время шоколадный эфедрин взбодрил его, и мы пошли веселей. Вскоре он опять стал отставать. Вдруг далеко впереди послышался шум тяжелого автомобиля. Сообразил, что он идет по межпоселковой дороге, к которой примыкает наша, лесовозная. Я бегом кинулся к перекрестку, но, выскочив на основную трассу, увидел только огни удаляющегося лесовоза. Не успел! Эх, обидно! Подождал минут пять Гену, но он не появлялся. Медленно пошел назад. Впереди никакого движения. Внимательно вглядываюсь в темень дорожного полотна. На обочине лежит какая-то чурочка, которую раньше я вроде бы не заметил. Направляюсь к ней. Скрюченный Гена спал с блаженной улыбкой. Лежит, отключившись напрочь от реального мира. Трясу его. Бесплезно. Тихое невнятное бормотание: "Николаич! Я полежу немного, отойду. Вы идите, я догоню". Догонишь! Трясу его что есть сил.

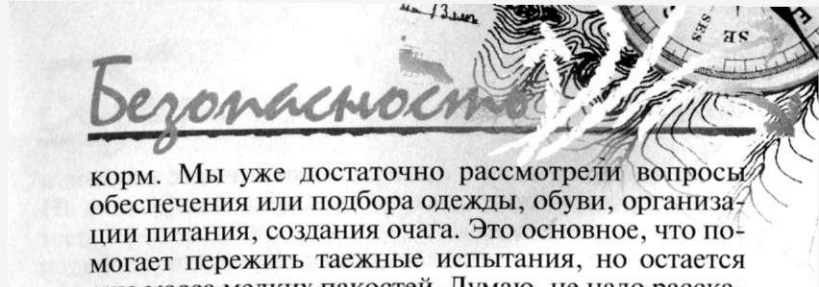
Безопасность

Бесполезно. Рывком поднимаю его на ноги и, придерживая за шиворот, заставляю сделать несколько шагов. Минут через пять Гена приходит в себя, хотя двигается "на автопилоте". Выходим вместе на основную дорогу. До поселка 15 км, время три часа ночи. Гена выдохся окончательно. Сцена со стороны напоминала бы, наверное, движение битого Паниковского, ковыляющего за командой "Антилопы". Мои уговоры, шоколадки уже не помогали, и периодически приходилось поднимать спутника на ноги пинками. Не со зла, а от отсутствия другого способа заставить его идти. Удары носками мягких ичигов через толстенные ватные штаны были, полагаю, нетравматичны, но в меру чувствительны. Так мы двигались еще два часа. Я устал уже не столько от дороги, сколько от необходимости тащить и толкать спутника. И вдруг сзади раздался шум догоняющего автомобиля. Огромный лесовоз вывернул из-за поворота и осветил нас, дорогу. Мы его ждали все время, пока двигались. Мечтали о нем. Машина, конечно, и не подозревала о нашем существовании, а шофер явно обалдел, увидев в это время на дороге двух пешеходов. Заскрипели тормоза, застонали увязанные хлысты. В кабине никого, кроме водителя, не было, и он сам обрадовался возможности проявить гуманность. С трудом затолкал Гену, залез сам, и поехали. По одежде водителя догадался, что это расконвоированный заключенный, добросовестно отрабатывающий срок наказания, но нам до этого не

было никакого дела. Тепло кабины почти мгновенно разморило нас, и огромным усилием воли я держал глаза открытыми и слушал и не слышал словоохотливого водителя. Машинально я глянул на спидометр, и буквально через 3 км мы въехали на территорию нижнего склада. Время 6 часов утра. Мы прошли! Водитель высадил нас у первого здания с телефоном, а дальше... дело техники. Через 15—20 минут подъехал знакомый механик леспромхоза, и через час мы были в курортном гараже. Передав немного ожившего Гену завгару, я с чистой совестью отправился домой, обрадовал своих и обзвонил жен оставшихся в тайге Тихона и Петровича. На второй день исправленная машина с Мобутиком за рулем вернулась в поселок.

Я почти забыл эту историю, мало ли их было, но через много лет услышал ее из уст Мобутика на похоронах преждевременно покинувшего нас Петровича. Когда разошелся основной народ и остались близкие друзья, Гена с азартом, подкрепленным “горькой”, рассказал ее оставшимся и каждый второй фразой благодарил меня за то, что не дал ему уснуть. Теперь он понимал, что это было бы навсегда.

Конечно, приведенные случаи являются примерами серьезного испытания тайгой, но, к счастью, они выпадают далеко не всем. Больше народ блуждает в весенне-летне-осенний период, когда отсутствуют жесткие морозы и появляется подножный

Безопасность

корм. Мы уже достаточно рассмотрели вопросы обеспечения или подбора одежды, обуви, организации питания, создания очага. Это основное, что помогает пережить таежные испытания, но остается еще масса мелких пакостей. Думаю, не надо рассказывать обо всех прелестях встречи с комарами. По подсчетам биолога Е.Петрова, на Дальнем Востоке обитает 29 видов комаров, 24 вида и 2 подвида кровососущих мошек. К этому надо добавить обилие мух и оводов. “Кровососущая рать” непрерывно и посменно атакует человека с утра до вечера и с вечера до утра. При планируемом посещении тайги можно запастись различными мазями, лосьонами и аэрозолями-репеллентами, взять накомарник (в котором, кстати, идти очень неудобно). Точно могу сказать, если эти патентованные средства помогут вам на несколько минут, то хорошо. Радует одно — раз гнуса много, значит, экологическое равновесие еще выдерживается. Во многих районах запада России комаров почти нет или их очень мало. И это настораживает. Надежнее репеллентов помогает густая ветка, с помощью которой вы разгоняете и уничтожаете комаров с одновременным массажированием лица, шеи, других открытых участков тела. На привалах и на ночь нужен хороший дымокур. Спасает от комариного нашествия ночлег на вершине сопки, перевале, но там появляются другие проблемы. Одна из них — отсутствие воды. Прекрасно спасают от комаров сжигаемые спирали с препаратами ромашки, специально выпускаемые в Японии,

Корею и Китае, но они пригодны при ночлеге в закрытом пространстве: палатке, охотничьей избушке, фургоне, кабине и т.д.

Нельзя не упомянуть о клещах. Кровососущих. Клещей великое множество, но опасность представляют несколько видов. Опасен любой вид, впившийся в ваше тело или только намеревающийся это сделать. Клещи меньше причиняют неудобств

по восприятию, но по последствиям... Ежегодно десятки людей гибнут или остаются инвалидами из-за клещевого энцефалита. Есть у вас прививка, нет ее, меры предосторожности должны соблюдаться неукоснительно. Продрался сквозь заросли кустарника или поросли деревьев — осмотрись немедленно, сбрось с одежды всех насекомых. Почувствовал шевеление или ползание по телу под одеждой,

Безопасность

в волосах — остановись, проверь, сними, выбрось. На всех привалах у костра, разденьтесь, осмотритесь, проверьте одежду. И как бы вы ни спешили, надеясь, что вот-вот тайга выпустит вас из своих объятий, — осмотритесь, проверьте! Можно “подцепить” клещей зимой, поздней осенью. Как-то в ноябре присел отдохнуть на тушу убитого изюбря, прежде чем начать его разделывать. Есть такой шарм у охотников. Минут через пять вскочил, увидев, что по одежде ползет туча клещей. Они мгновенно почувствовали гибель своего основного хозяина и ринулись осваивать нового. И там, где одежда была согрета последним теплом изюбря, они бодренько кинулись по ней к новому очагу тепла и жизни. Жизни для них.

Иногда ночевать приходится на шкуре. Для меня было открытием описание Г.Федосеевым метода или навыка Улуткиткана спать зимой в свежесодранной шкуре оленя, завернувшись в нее мехом наружу. С одной стороны, это предупреждает промораживание шкуры, из которой потом без помощи извне не выбраться, а с другой стороны клещи остаются снаружи, на морозе, и до нового постояльца им добраться не удастся. Обидно было бы заболеть клещевым энцефалитом зимой.

Наиболее правильной защитной одеждой являются противоэнцефалитные костюмы. Нашили их в свое время достаточно, и сейчас еще приобрести можно. Более современные и популярные “афганки” защитную от клещей функцию почти не несут. И если уж оказались вынужденно в тайге в обычной одежде, то постарайтесь ее максимально приспособить для профилактики клещевого нападения. Брюки надо заправить в сапоги, если они есть, или в носки при ходьбе в туфлях, кедах и т.п. Рубашку, свитер или куртку необходимо заправить в брюки. Манжеты на рукавах плотно застегнуть и перевязать резинкой, бинтом, полосой оторванной ткани. Да чем угодно. Клещ движется по одежде вверх, и искать его с большей вероятностью нужно под воротником, клапанами карманов, специальными нашивками на энцефалитках. Конечно, обнаружить клеща можно на любой части тела. Другой раз задумаешься, как он туда попал, но факт — попадает. Ну а если уже впился, то не паникуйте. Страшней болезни — ожидание болезни. Удалите, выдерните его, предварительно слегка раскатав. Стандартные рекомендации помазать его чем-либо, чаще маслами, керосином и т.п., как правило, результата не дают. Клещ замирает, но не отступает. Выдернули, постарайтесь, по возможности, удалить иголкой, булавкой головку и хоботок, а потом прижгите ранку йодом, спиртом, одеколоном, водкой. Что есть под руками. Йод, конечно, лучше. И помните, что процент носителей инфекции среди кле-

Безопасность

шей невероятно мал. Вышли или выбрались из тайги, можете поделиться с первыми встреченными вами медиками своей радостью — меня укусил клещ! Дальше уже все действия должен выполнить медицинский работник.

Много легенд, былей и небылиц можно услышать о встречах человека и хищного зверя. Есть классика лесных трагедий типа “Злой дух Ямбуя” Г. Федосеева, а есть встречи типа “и видели волка, ух страшный какой”. В любом случае встречи со зверем в тайге не исключаются. И к ним нужно быть готовым. Морально! Для человека, впервые попавшего в тайгу, тем более в экстремальную ситуацию, ожидание встречи с медведем, тигром, волком может только усугубить ситуацию. Нередко человек бежит сломя голову в *никуда*, что окончательно запутывает его, изматывает, лишает последних сил. А как выясняется, бежал тоже от *ничего*: шороха, треска обломившегося сучка, щелчка лопнувшего от мороза дерева, шумного взлета рябчика и тому подобного. Не следует забывать, что жизнь вокруг вас не остановилась, что-то и кто-то рядом будет ползать, ходить, прыгать, летать, рушиться, кричать, реветь. Вздвогнуть от этих шумов можно, и это естественно, но паниковать — нет! У природы есть один интереснейший секрет — маленькие и безобидные животные шумят иногда больше и громче крупных, искусственно создавая видимость большого зверя или птицы.

Был
случай

Вспомнился случай, когда мы с товарищем сидели в сидьбе на солонце в ожидании самого крупного пантача. Сидьба – это микросруб из трех рядов бревен, крытых и замаскированных сверху дерном. С одного торца делается бойница, с противоположной – дыра для вползания в нее. Находиться в ней можно только лежа. Провоевав полночи с комарами, в изобилии набившими без спроса в наше временное жилище, и проглядев все глаза в ожидании изюбря, мы решили подремать до рассвета. Может, повезет утром. Не успели мы отключиться, как впереди, т.е. на солонце, послышалась какая-то возня. Возможно, крупный зверь, судя по производимому шуму. Но ожидаемого контура на фоне черно-звездного летнего неба не было. Вскоре шум, тяжелые шаги стали приближаться к нам. По-прежнему ничего не видно. За бревенчатой стеной раздалось сопение, опять какая-то возня, топот, направляющийся к входу в

сидьбу. Медведь! В абсолютной тишине, если не считать комариный писк, шаги били по ушам, заставляя учащенно колотиться сердце. Надо встречать! С трудом развернули ружье к входу и приготовились к встрече. Очевидно, наша возня с ружьем заставила гостя затаиться, но через пару минут все началось сначала. Нервы на пределе. Так долго

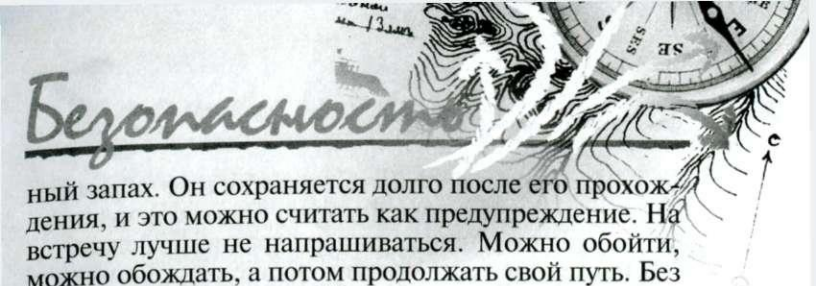
Безопасность

продолжаться не может. Держа ружье наготове, сдергиваем тряпку, прикрывавшую вход. Никого! Тишина. Осторожно высовываю голову. Никого! Включаю мощный фонарик, описывая световую дугу вокруг. Опять никого. Может, затаился сбоку, куда запустить луч света невозможно? Показалось, что в траве что-то блеснуло на расстоянии метра от входа. Может, что-то уронили блестящее? Направил фонарик на блеск и ... расхохотался. Товарищ тоже просунул голову в дыру и тоже закатился в хохоте. Напротив входа тесно прижался к земле, поблескивая маленькими глазками, еж. Еж, а не медведь! Вот те на! А грохоту, а шуму! Дальше повезло ежу. Он стал одним из немногих летающих ежей. Запущенный крепкой рукой, одетой в брезентовую рукавицу, он долго летел вдоль склона сопки, хотя выпущенной нами при этом энергии, накопленной для встречи с медведем, хватило бы для запуска ежа на околоземную орбиту.

А вот сколько было встреч с медведем, всегда они происходили совершенно неожиданно, он появлялся как привидение, бесшумно и мгновенно исчезал. Но ни разу не бросался на меня, как это многие себе представляют, а может, и желают того. Описанные и рассказанные серьезными людьми трагические встречи медведя с человеком происходят, как правило, на охоте, при ранении зверя, при ограничении его свободы, при истеричном поведении человека. Охотники верят в так называемый "запах стра-

ха". По-разному это явление называют таежные люди, но то, что оно есть, в этом я не сомневаюсь. Сейчас физиологи обнаружили какие-то особые вещества в поте, выделяемом только при испуге. Возможно, так, но я полагаю, что у человека происходит еще и информационно-энергетический всплеск, воспринимаемый зверем. Исходная природа одна! В легендах о специальной подготовке избранных буддистских монахов для общения и существования в высших духовных сферах говорится об обязательном испытании избранника встречей с тигром, медведем один на один в клетке. Возбужденный зверь должен успокоиться под взглядом человека, уйти в сторону и лечь несмотря на голод. Так ли, нет, но однажды шатун неожиданно подскочил ко мне вплотную и встал на дыбы с явным агрессивным намерением. Шатун есть шатун. Я до сих пор помню жаркое зловонное дыхание, обдавшее меня. Я стоял, честно говоря, ничего не поняв от неожиданности. Страх не было совершенно. Не успел испугаться, было больше любопытства. Зверь постоял несколько секунд, дрожа то ли от нетерпения, то ли от своего страха перед человеком, резко откинулся назад, фышкнул как выпускающий пар паровоз, и в мгновение исчез в зарослях орешника и молодых пихтушек. Сто процентов опрошенных опытных охотников считают, что стоило мне показать зверю вместо "личика" (по аналогии с Гюльчатай) спину, и мне конец.

Кстати, присутствие медведя нередко выдает ужас-

Безопасность

ный запах. Он сохраняется долго после его прохождения, и это можно считать как предупреждение. На встречу лучше не напрашиваться. Можно обойти, можно обождать, а потом продолжать свой путь. Без дела рисковать не стоит. Мне, скажем, повезло, а кому-то не повезло. Чаше нападение, повторюсь, провоцирует человек. Хотя бешеные и агрессивные индивидуумы встречаются и среди людей, а уж среди зверей...

Гордость и краса дальневосточной тайги — тигр, встречается только в центральных и южных районах Дальнего Востока. Встреча с ним маловероятна, но поведение человека при состоявшейся встрече “без галстуков”, т.е. не в зоопарке или цирке, строится на тех же принципах, что и при встрече с медведем. Мне только один раз довелось выйти на свежий тигринный след. Не скажу, что это было приятно. Я не трус, но появился какой-то магический страх, слабость в коленях. Особенно если учесть, что след шел по густому орешнику-осиннику, и прикидка показала, что я не смогу даже развернуться с ружьем в сторону нападающего сбоку и тем более сзади зверя. Я предпочел изменить маршрут.

Про волков больше рассказывают сказки или воспоминания о далеких былых временах, когда численность этого зверя явно была выше. Сейчас стаи встречаются крайне редко, и то зимой, и чаще в северных районах региона. У этого зверя, кстати, особое чутье на ослабленных животных, в том числе и ослабленного человека. Особенно ослабленного ду-

хом. На волков я обычно внимания не обращаю. Днем двигаешься, имеешь цель, и это волк чувствует, не мешает, а ночью костер охраняет надежно.

В последние годы появилась еще одна напасть — одичавшие собаки. Природа не терпит пустоты, и там, где нет волков и тигра, нередко формируются стаи бродячих собак. Как правило, они встречаются в пригородах, в дачных районах, но можно встретить и в тайге. Стаи пугливы перед человеком, но вхождение в их зону, и тем более к их добыче, опасно. Уходят в сторону, увидев в руках хорошую палку. Видно страх перед ней им знаком с щенячьего возраста от нерадивых и жестоких бывлых хозяев. Иногда бывает не все просто при встрече со стаей.

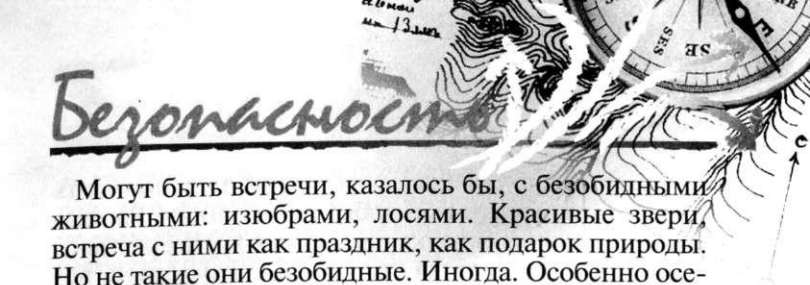
Мы традиционно разбежались на охоте в разные стороны, и я, оставшись один, забрался в сопочно-кедровый массив с обильными каменными россыпями, валунами и скальными отстоями на вершинах. Охота не клеилась, следы все были старые, незнакомая местность просматривалась плохо. Вдруг услышал на вершине расположенной рядом сопки отрывистый собачий лай.

Зная, что Иван, главный добытчик нашей команды, ушел с собакой, я обрадовался, решив, что его пес поставил зверя на одном из отстоев. Лай был характерный. Чуть не бегом я помчался вверх, чтобы прихватить зверя. Дичи наверху не оказалось. Было небольшое плато, покрытое огромными, с легковую автомашину, валунами. Благо, расположены они

Безопасность

были тесно, и я пробирался вперед, перепрыгивая с одного на другой. Вдруг впереди мелькнула собака. Черная, а у Ивана рыжая. Рядом появилась серая. Откуда? До ближайшего села не менее 100 км, и те через 3—4 гряды высоченных сопок. Из-за камней выскакивают еще две собаки, тоже серые. Посмотрел, откуда они выскочили, — там лежала кабанья шкура выгрызенной мездрой вверх. По следам понял, что несколько дней назад здесь были охотники, убили подсвинка, мясо забрали, а шкуру бросили. Что это были за собаки? То ли охотники их бросили, то ли они бросили охотников и вернулись на шкуру (такое бывает), то ли они брошены на одной из таежных пасек и сами добывают себе пищу. Я не сразу сообразил, что собачки готовятся постоять за принадлежащую им шкуру. До меня это дошло после того, как увидел, что собаки окружили меня и начинают подбираться все ближе и ближе. Их спины, хвосты, оскаленные клыки не вызывали никаких сомнений в их намерениях. Собаки крупные, во всех просматривалась примесь овчарок, а может, и волков. Когда дошло, то сразу включились механизмы самозащиты. Не делая резких движений, поднимаясь на самый большой камень, разгребаю ногами снег для обеспечения подвижности, ослабляю нож в ножнах, вынимаю из патронташа и держу в руке два патрона с картечью. Две пули в стволах тоже меняю на картечь. Голова опущена, т.е. глаза не показываю, а сам боковым зрением наблюдаю за псами.

Они приближаются. Расстояние уже 30—35 метров. Сели и ждут чего-то. Очевидно, или команды от вожака, или смиренного признания моего поражения со всеми последствиями. Иногда то одна, то другая вскакивает, делает быстрый бросок вперед и отскакивает назад. Все, приготовления закончены. Резко вскидываю голову и с разворотом даю дуплет по псам, стоящим сзади. Успеваю заметить, что один рухнул на месте не двигаясь, другой закрутился, словно на короткой привязи, а сам уже переломил ружье, вгоняя одним движением новые патроны, закрыл стволы и вскинул их. Выстрелы прогремели вдогонку ринувшимся убежать. Один пес грохнулся, не завершив прыжок, другой, черный, взвизгнул, огрызнулся и помчался во всю прыть под сопку. Через минуту затихло эхо выстрелов, успокоился и я, затихли подергивающиеся собаки. Не торопясь перезарядил ружье, вышел на след убежавшей собаки. Кровит, и хорошо кровит, но прыжки маховые, мощные. Пусть бежит. Осмотрел лежащих собак. Ошейников и потертостей от них нет, псы красивые, прогонистые, крепкие. Попытался представить иной финал встречи, окажись я без ружья. С двумя бы справился, со всеми ...? В запасе был еще один вариант. Медленно, без резких движений, прикрывая спину от нападения сзади, уйти в сторону. Задача — выйти из зоны их интересов. Сейчас это была шкура, могут быть щенки, сука во время течки, загнанная, но не загрызенная дичь и т.п.

Безопасность

Могут быть встречи, казалось бы, с безобидными животными: изюбрами, лосями. Красивые звери, встреча с ними как праздник, как подарок природы. Но не такие они безобидные. Иногда. Особенно осенью. Нередко бывают случаи, когда быки осенью видят соперника во всем живом, и здесь уже берегись. Я видел у товарища рюкзак, пробитый копытом сохатого, целенаправленно кинувшегося на человека. Человеку ничего не оставалось, кроме как плюхнуться в болотную жижу между кочек. Зверь пролетел над ним, наступив одной ногой на рюкзак. Это спасло друга, но дыра в рюкзаке, пробитая копытом банка тушенки и огромный синяк на спине остались на память. Могло быть хуже. Надеюсь, стало понятно, что сюсюкать с этими милыми на первый взгляд животными не стоит.

То же самое случается при встрече с кабанами. Секач опасен всегда, но особенно в ноябре — декабре. Гон! А так этот зверь весьма чуткий и сам старается уйти с дороги. Делает это с невероятной скоростью.

Есть еще опасность, возможность встречи с которой надо иметь в виду. Опасны могут быть люди. Не все встреченные в тайге имеют доброе, отзывчивое сердце и чистую душу. Экономическая неустроенность толкнула в тайгу массу откровенных потребителей, нередко алчных, беспощадных и бессердечных. Это еще не худший вариант. Упомянутый выше мой друг Макар однажды почти час лежал на снегу у своего барачка под дулом карабина. Заканчивался

сезон, и Макар собирался на другой день выходить из тайги, выносить всю добытую пушнину. Расслабился, вышел из барачка наружу, а в кустах раздался лязг затвора и команда “лежать”. А что делать, лежал до сумерек. Когда стемнело, неизвестный растворился в тайге, прихватив всю сезонную добычу и приведя в негодность ружье и лыжи хозяина участка. В газетах проскальзывают иногда сообщения об уголовниках, дезертирах, пытающихся скрыться в тайге. Если уж удалось вырваться из объятий тайги, то постарайтесь не попасть в руки негодяя. Присмотритесь, а кто там впереди? Мне везло, у меня гнусных встреч не было. Очевидно, это подтверждает истину, что хороших людей больше.

Недавно мне довелось в Магадане встретить интереснейшего человека. Женщина, врач, заядлый рыбако-охотник, и все это в одном лице. Много лет проживая на просторах Магаданской области и крепко полюбив эту окраину России, она со светящими-

Безопасность

ся глазами рассказывала о своем увлечении, сожалая, что командировка помешала открыть сезон подледного лова хариуса. Присутствующая при этой встрече коллега пришла в ужас, узнав, что наша героиня предпочитает рыбачить одна и не берет при этом с собой ружье. Ответ был запоминающимся: "А зачем? Медведи ходят, но зачем я им? А человек, какой бы он ни был, пусть последний подонок, я все равно выстрелить в него не смогу". И подумав, добавила: "Нет, не смогу!" Классическое смешение отваги, смирения и доброты русского человека! А порядочность в итоге, как правило, проигрывает! Остается только пожелать этой красивой, хрупкой, увлеченной женщине добрых встреч в тайге.

Говоря о безопасности пребывания в тайге, мы не коснулись еще одной темы. При организованных переходах, туризме, охотничьем промысле и прочем природопользовании нужно иметь привычку брать с собой медицинскую аптечку. Возможно, это громко звучит, но что-то по типу автоаптечки иметь надо. Правда, автоаптечку возит автомобиль, и это надо учитывать при комплектовании рюкзака. Кроме вас никто этот рюкзак не понесет, а к концу похода иголка гирей станет. Что нужно? Бинт или перевязочный пакет средних размеров, широкий бинт, йод (в надежной упаковке), обезболивающее средство, валидол, активированный уголь, желудочные и желчегонные таблетки на случай пищевого отравления или употребления заведомо не-

доброкачественных продуктов. Все это может понадобиться или вам, или коллегам. Тяжелые и малоэффективные жгуты легко заменяются подручным материалом. Уверен, дай волю в составлении походной аптечки специалисту “Скорой помощи” или травматологу, они внесут в список шину, трахеостомную трубку и даже носилки. Кому только носить их и кого носить? Самовыносы истории экстремальной медицины неизвестны. Самовыползы — да, а самовыносы — нет! Многие рекомендации содержат в перечне аптечки антибиотики и другие противовоспалительные средства. Включать их или не включать — вопрос дискуссионный. Как врач я против. Мало ли что могут замаскировать антибиотики, принятые самостоятельно задолго до встречи больного с врачом. С другой стороны: когда таежный человек с острым воспалением легких после купания в полынье или обширной гнойной раной головы после встречи с медведем попадет в руки медика? Понятно, что не скоро. Не надо обладать глубокой медицинской подготовкой, чтобы сообразить, когда надо принимать антибиотики. Конечно, лучше, если вы предварительно, до похода, проконсультировались о возможности и необходимости применения имеющихся в вашей аптечке препаратов. Надо не забыть взять с собой *ваши* лекарства, т.е. те, которые периодически нужны вам. И могу только сказать, что в экстремальных условиях организм обычно великолепно справляется с простудами и прочими воспалительными заболеваниями. А если ему еще и помочь...

Безопасность

Был случай

При очередном еженедельном (суббота, воскресенье) выходе на путик — охотничью тропу, — я добрался утром на машине до основного распадка, в самом верховье которого был спрятан меж высоких сопок барачек. Машина развернулась и ушла, моргнув на прощанье в предрассветных сумерках красными огоньками фонарей, а я взвалил на плечи тяжеленный рюкзак и бодро зашагал по тропе. Кроме обычного груза я нес целую шкуру крупного подсвинка, предполагая использовать ее для приманки на пушного зверя. Это дополнительно 25—30 килограммов. Буквально через 200—300 метров предстояло перейти неширокую, но коварную горную речку. Я легко ступил на лед по натоптанной тропе, сделал несколько шагов и... очутился по грудь в проломленной моим весом полынье. Вода яростно кипела вокруг и упорно тащила меня дальше, т.е. под лед. Холода в тот момент я не чувствовал. Первая мысль — устоять! Тяжелый груз, очевидно, был большим препятствием для бешеной речки, он не позволял легко расправиться с моим телом. Широко расставив ноги, я мощным броском через спину сбросил рюкзак, как можно дальше на лед, придерживая его за одну растянутую лямку. Убедился, что он прочно лежит на шершавом заснеженном льду, и, аккуратно подтягиваясь, начал выбираться на лед, упираясь в противоположную кромку ногами. Получилось. Добравшись до рюкзака, я оттолкнул его дальше и, используя как якорь, отполз

от полыньи еще на метр. Встал на колени. Лед держит. Поднялся на ноги, встал во весь рост. Сделал несколько шагов до берега, волоча рюкзак за собой. И только на берегу до меня дошло, что я только что мог утонуть, а если не утонул, то должен замерзнуть. Мороз за 30°C. Не должен! Оцениваю береговые завалы и быстро сооружаю под одним из них костер. Спички, упакованные по описанному выше способу, сохранились и дополнительных проблем не создали. Наломав множество сухих, как мне казалось, замшелых еловых ветвей из заломной трухлявой ели, я получил неплохой костер. Как оказалось, горел в основном мох. Этого было достаточно, чтобы быстро раздеться у огня, отжать брюки, нижнее белье, портянки и носки. Сделал попытку подсушить тряпье, но понял, что после сгорания мха и лишайника еловые ветки гореть не собираются. Больше дыма. А других дров рядом нет. Еще быстрее надеваю начавшую дубеть одежду. Постепенно одежда обледеживает, становится колом. Что делать? Новое и более удачное кострище или активно двигаться к барачку, где меня никто не ждет? Двигаться! Чувствую, что еще несколько минут, и я буду в ледяном саркофаге. Отстегиваю от рюкзака шкуру и прячу ее под валежину, надеваю рюкзак, а это не менее 20—25 кг, беру ружье и... рысцой по тропе к барачку. Минут через 10 от меня повалил густой пар. Не останавливаясь, я бежал около 4—5 км, пока не ввалился в барачек.

Безопасность

Сбросил рюкзак, напихал полную печку сухой лиственничной лучины вперемежку с берестой и поджег. Печь поняла, что нужно хозяину, и загудела с первой минуты. Тепло начало растекаться от железных боков. Я запер изнутри дверь, чтобы не упускать печной жар, и, не успев начать мерзнуть после бега, начал раздеваться и развешивать одежду для просушки. Минут через пять печь была красной и быстро прогрела промороженный воздух до комнатной температуры, а еще минут через 5–7 я уже сидел на нарах, под потолком, полностью раздетый, и принимал подобие сауны. Вскоре я потел уже от жара печки и теплого барачка. В этот день я никуда не ходил, кроме дополнительной заготовки дров ничем не занимался. Еще пару раз нагнал максимальную температуру и хорошо пропотел. Спал прекрасно, утром никаких признаков простуды не было. Таблеток я, естественно, не принимал.

Мощным защитным фактором при нахождении в тайге является умение ориентироваться на местности, в пространстве. Есть тысячи способов определения сторон света, но достоверность их чаще от + до – 30°, а то и больше. Не все, что описано в специальной литературе по приметам запада России, соответствует Дальнему Востоку. Верней всего ориентироваться по солнцу, Полярной звезде (если они видны) и надежному ориентиру на местности. Это может быть река, примечательная сопка, еще лучше, если это далекая радиотелемачта или иное творе-

ние рук человека. В любом случае нужно уметь сопоставлять умозрительно, или, как теперь модно говорить, виртуально, место своего фактического нахождения с картой данного района бедствия. Хотя карты у вас нет. Если есть, тогда проблем меньше. Можно подняться на близрасположенную сопку и сориентироваться на ее вершине. Здесь важно не потерять ориентир при спуске. Часто так, с вершины, видно все прекрасно, спустился до первых деревьев, а от них видимость нулевая. И все! Нужно этот момент предвидеть и взять на вооружение еще несколько второстепенных ориентиров: противоположная сопка, ручей или река, направление ветра, тип деревьев и т.п. Нет такого места на Дальнем Востоке, где бы я не встречал пусть и заросшие, но просеки, оставленные геологами, лесоустроителями, геодезистами. Как правило, они имеют направление “север—юг” или “запад—восток”. Идти по ним намного легче, чем по девственной тайге. А если еще правильно взять направление, т.е. к людям, то считайте такую просеку как подарок ваших предшественников. Намного облегчает ситуацию компас. Лучше его иметь, отправляясь в заведомо незнакомое место, чем не иметь. И пусть всегда он будет в кармане рюкзака. Его присутствие оправдано.

Есть еще один вид ориентации. В нашей сутолочной жизни мы совершенно не учитываем фактор генетический памяти. Недавно нашлись прозорливые и смелые люди, начавшие учить плавать грудных младенцев. Обоснованием нестандартного метода вос-

Безопасность

питания послужила эволюция человека, корни которой уходят не только в глубь тысячелетий, но и в глубины морской пучины. И память о тех временах, срабатывая на подсознательном уровне, заставляет крохотного человечка плавать, т.е. выживать.

Наблюдение за маленькими детьми может дать нам еще немало открытий. Интересно наблюдать сейчас за внуком. Собственными детьми заниматься было некогда. Работа затмевала все. Так вот, недавно, имея 4 года от роду, он ушел из детского сада, намереваясь показать другу свои игрушки. Впереди его ждали несколько перегруженных перекрестков, автобус, металлические двери подъезда. А он шел, уверенно вел 3-летнего друга. Беглецов перехватили на автобусной остановке. Ребенок получил свое за излишнюю самостоятельность, но я задумался, глядя на маленького путешественника: как ему удалось правильно пройти половину пути? Случайно ли это? Только ли зрительная память сработала? А может быть, есть еще внутренний компас-путеводитель? Тот, что ведет перелетных птиц. А вскоре я частично получил ответы на некоторые вопросы. Мы заканчивали весенние дачные работы, но задержались с выездом в город. Машина забарахлила, и пришлось внепланово уделить ей время. В лесу оставались несколько банок, установленных для сбора березового сока. Внук с удовольствием принимал участие в этом приятном деле. Видя, что у меня не складывается с машиной и временем, дочери предложили сходить в лес, собрать сок и посуду. "Заблуди-

тесь!” Но тут вмешался внук, заявив, что он проводит старших. Я, естественно, усомнился в такой затее, но согласился. Из интереса. Через час сборщики сока вернулись. У дочерей “квадратные” глаза от удивления, а внук — гордый своей полезностью в столь великом деле. Он не нашел всего одну банку из шести. Это притом, что все банки были замаскированы. Старшие выступали только в качестве носильщиков.

В связи с этим вспомнился один интересный человек, с которым свела меня жизнь в кабинетах краевого комитета профсоюзов работников лесной промышленности. В возрасте около 70 лет у А.В. Кузнецова было две записи в трудовой книжке. Первая — призван на действительную военную службу, это в годы войны, а вторая — принят техническим инспектором крайкома профсоюза. Неоднократно проводя совместно вечера в командировках, я услышал от этого скром-

нейшего человека интереснейшие рассказы-эпизоды из его фронтовой жизни. Определили его, сугубо городского парня, выпускника технического вуза, на должность офицера связи при штабе какого-то соединения. Доверия телефонной связи не было, радиосвязь была редкостью, а пакет с конкрет-

Безопасность

ным приказом был надежней. Как правило, доставлять их приходилось ночью. И раскрылся необыкновенный талант у человека. Получив задание и взглянув на карту, он уходил в ночь, один, в незнакомую местность, минуя наши, а иногда и немецкие посты, и всегда приходил в точно назначенное место. Интересно было и то, что если рядом находились двое обязательных сопровождающих, а это означало обязательные советы, поправки и лишний шум, то Адриан Васильевич нередко сбивался. Когда он выявил эту особенность коллектива, то стал ходить один. Больше он ни разу не сбивался. После войны он опять стал городским жителем, но я видел, как, приехав в отдаленные леспромхозы, где он бывал лет 10—15 назад, шел Адриан Васильевич по изменившемуся поселку или нижнему складу, опустив голову и не глядя по сторонам, но всегда приходил в нужное место. Я только представлял, как было там, где стреляют, подкарауливают, усеивают минами поля и т.п. Что его вело, направляло, оберегало? Скорей всего сохранившийся от далеких предков врожденный талант следопыта, разведчика, кочевника, путешественника, и сохранившийся в зрелом возрасте, что бывает редко. Как тренировать инстинкт ориентации — не знаю, но уверен, что эта тайна будет со временем раскрыта.

А теперь, в заключение, о второй позиции обеспечения безопасности.

Считаю необходимым сказать, что не только о бе-

зопасности человека в тайге надо думать. Необходимо защищать и тайгу от человека. Главная опасность — брошенные, особенно в панике, костры, окурки, горящие спички. Мы уже касались этой темы выше, но должен повторить еще раз — большая часть лесных пожаров возникает по вине человека. Привычный лозунг “Берегите лес от пожара” реализуется, к сожалению, только на уровне морального облика человека. Стандартом такого негодяя, врага леса, стал изображаемый на плакатах, в кинофильмах былых времен заросший браконьер со звериной рожей. Нехороший человек браконьер, но точно могу сказать, что ни один из них не поджег лес. Лес ему нужен, он хоть и незаконно, но его кормит. Чаше беды идут от новых любителей природы, гладких, сытых, беспечных, налетающих на тайгу на великолепных автомашинах, оставляющих после себя горы бутылок, объедков, мусора и непотушенные костры. И попробуйте сделать им замечание по этому поводу.

Как бы тяжело ни было находиться, заблудившись, в тайге, надо помнить, что даже в этой ситуации лес тоже нуждается в вашей защите. Не будет тайги, трудно даже представить, что и сколько мы потеряем.

Глава 8

Для медиков и не только

ЭМОЦИОНАЛЬНОЕ восприятие тайги и возможных стрессовых состояний, которые она может подарить с избытком, плавно переходящее в благие намерения и пожелания, мало чего стоят, если за ними нет объективных инструментальных медицинских исследований. Венец любого научного поиска выражается языком математики, цифрами.

Оба похода сопровождались детальным медицинским обследованием добровольца

до и после похода, но более углубленно они проводились во втором походе, состоявшемся в начале апреля 2000 года. Основные условия проведения эксперимента изложены во введении и фрагментарно во всех предыдущих главах. Доброволец, т.е. автор, представлен для удобства изложения материала в третьем лице.

Обследование проводилось за 3 дня до начала эксперимента, на второй день по возвращении в Хабаровск и через месяц, т.е. предполагаемого периода полного восстановления. Выполнялись рутинные функциональные исследования (*АД, пульс, ЭКГ*), иммунологические лабораторные и неинвазивные комплексные исследования с применением авторских компьютерных программ “Валеокомп” и “Фитстад” проф. Душанина С.А. (*Киев*)*.

Предстартовое клиническое обследование и анамнестические данные подтвердили наличие хронического гастрита, гепатохолецистита, варикозного расширения вен нижних конечностей, остеохондроза поясничного отдела позвоночника.

Эксперимент проходил следующим образом.

Доброволец был доставлен автомобилем до с. Догордон Хабаровского района и начал передвижение на север в условиях бездорожья, ориентируясь по солнцу и реке Урми. После трех суток усилен-

*Использованы материалы статьи В.Н.Завгрудько, И.П.Кольцова, М.М.Васильевой, Л.В.Климовой, Т.А.Шиян “Оценка некоторых медицинских характеристик человека при экспериментальном пребывании в экстремальных условиях дальневосточной тайги”; Дальневосточный медицинский журнал. 2000, №3, с. 111—113.

Для медиков. И не только

ной работы на фоне полного голодания и трех ночевок у костра на лапнике, уложенном на снег, почувствовал боли в области желудка, периодически затухающие, особенно после употребления талой воды из наледей. К вечеру четвертого дня появилась накатывающая и почти беспричинная слабость. К ночи обстановка усугубилась начавшимся снегопадом попеременно с дождем, снег стал мокрым и еще более труднопроходимым, вдоль реки пошли почти сплошные наледи.

Была пройдена половина пути, т.е. около 100 км, но впереди предстояло преодоление перевала высотой более 800 м и протяженностью подъема около 20 км. На фоне непонятного нарушения здоровья и сюрпризов погоды было принято, как оказалось потом, очень правильное решение — вернуться назад. Уже знакомая трасса, возможность идти порой по своим следам, а не пробивать новую тропу позволили преодолеть весь путь за 3 дня. На обратном пути желание пить было сильнее чувства голода. Времени на приготовление чая не было, подгоняла непогода, и в употребление шла только натуральная талая вода. По настоящему жажда была утолена горячим чаем при возвращении в Догордон. Позади было семь дней пути, 6 ночевок в тайге у костра и 200 км маршрута. По возвращении в Хабаровск были проведены еще до обследования дезинтоксикационные мероприятия. Аутоинтоксикация — стандартное состояние при длительных голоданиях.

Основным средством дезинтоксикации после по-

добного острого эксперимента или случая считал и считаю баню. В любом варианте, будь то русская баня или сауна, лучшей расшлаковки организма природа не изобрела. Есть фармакологические и иные медицинские способы дезинтоксикации, но это на крайний случай. После первого похода хватило березового сока и жарко натопленной бани гостеприимного жителя с. Догордон А. Рысьева. Переночевав у него и не найдя попутной машины до Биробиджана, я бодро отправился пешком и легко преодолел по горной дороге еще около 20 км за 4 часа, пока не подобрала попутка. И это на седьмой день голодания. К баням у меня особое уважительное отношение как к лекарству от многих болезней. Многие из них врезались в память. Как забыть первое посещение настоящей сауны в Прибалтике, прекрасную баню на берегу горной речки у А. Тяна, построенную мною для включения в лечебный комплекс сауну водолечебницы курорта Кульдур или маленькую баньку на пасеке у того же Макара и у дома Васи, где мы много раз снимали усталость и стрессы после охотничьих походов. Как забыть небольшую, но уютную и приправленную кавказским гостеприимством баньку Георгия Ходова в Магадане, где мы успешно сняли мощную нервно-психическую перегрузку. А какой лечебной силой обладают бани при профилакториях и санаториях знаменитой Паратунки на Камчатке! Баня плюс минеральная вода! Это сказка, претворенная в жизнь.

После второго похода у меня была великая на-

Для медиков. И не только

дежда на дезинтоксикацию в собственной бане на даче. Родственники прониклись желанием помочь мне и за несколько часов восстановили разобранную на зиму печь. В норме эта работа заняла бы 2—3 дня. Но баня на этот раз не помогла. Приятно было прогреться, пропариться, но самочувствие не улучшилось. Это-то и укрепило меня в мысли, что поломка в организме более серьезная, чем я предполагал. Коль общее состояние после бани не улучшилось, то одновременно с запланированными исследованиями была проведена фиброгастроскопия. Диагноз: эрозивный антральный гастрит, множественные язвы 12-перстной кишки. Одновременно с постепенным вхождением в питание была начата лекарственная и физиотерапевтическая противоязвенная терапия. При проведении повторной ФГС были взяты пробы на *H. pylori*, оказавшиеся положительными. В данной ситуации легко напрашивается вывод о стрессорном и геликобактерном патогенезе язвенной болезни, хотя мы считаем необходимым сделать акцент на еще один фактор. До сих пор считается нераскрытой тайна талой воды. Биологическая активность ее уже не вызывает ни у кого сомнений. Но то, что ценно при целенаправленном и разумно дозированном лечебном применении талой воды, может обернуться агрессивностью при частом употреблении. В данном случае слизистая желудка и 12-перстной кишки не была защищена какой-либо пищей, а свойственная талой воде стимуляция секреторного аппарата

не могла не вызвать изъязвления поверхности гастритического желудка и ДПК. Исследуемый не сразу осознал формирование “порочного круга”: боль — прием талой воды — анальгезирующее действие воды на короткое время — усиление секреции желудка — боль. И даже когда осознал — разорвать этот круг было уже невозможно. Не случайно у коренных народов Приамурья не принято употребление талой воды. Остается пожалеть, что “цивилизованный” мир не прислушивается к их советам.

Основные показатели функциональных исследований оказались стабильными. АД на всех этапах исследования было 120/80 мм. Н_q, пульс 68-74-72, ЭКГ без патологии. Гипертрофия левого желудочка выявляется на протяжении всей жизни. Вес 95-86-92 кг.

Материалы иммунологических исследований представлены в табл. I.

Исходное состояние показателей клеточного иммунитета (методом Е-розеткообразования) характеризовалось умеренной лейкопенией, снижением относительного и абсолютного числа тотальных Т-лимфоцитов, субпопуляции Т-теофилинчувствительных лимфоцитов, снижением ИРИ (иммунорегуляторный индекс = Т-теофилинчувствительных/Т-теофилинрезистентных), снижением числа В-лимфоцитов.

Показатели лимфоцитов (отн. и абс.), активных Т-лимфоцитов, субпопуляции Т-теофилинрезистентных лимфоцитов, НСТ-тест — в пределах нормы.

При анализе показателей по окончании экспери-

Таблица 1. ИММУНОЛОГИЧЕСКИЕ ПОКАЗАТЕЛИ ИСПЫТУЕМОГО

Показатели	Исходные (04.04.2000 г.)	1 исследование (17.04.2000 г.)	2 исследование (18.05.2000 г.)
Количество лейкоцитов	4,2 x 10 ⁹	5,4 x 10 ⁹	4,0 x 10 ⁹
Количество лимфоцитов, %/абс.	43/1,806 x 10 ⁹	341,83 x 10 ⁹	49/1,96 x 10 ⁹
Количество нейтрофилов, %/абс.	48/2,01 x 10 ⁹	58/3,13 x 10 ⁹	46/1,84 x 10 ⁹
Количество моноцитов, %/абс.	7/0,28 x 10 ⁹	8/0,43 x 10 ⁹	4/0,16 x 10 ⁹
Количество эозинофилов, %/абс.	2/0,08 x 10 ⁹	0	1/0,04 x 10 ⁹
Е-РОК (СД2) %/абс.	19/0,343 x 10 ⁹	55/1,01 x 10 ⁹	44/0,86 x 10 ⁹
Количество В _ε %/абс.	8/0,14 x 10 ⁹	12/0,22 x 10 ⁹	6/0,117 x 10 ⁹
Количество Д-лимфоцитов, %/абс.	0	0	0
Количество О-лимфоцитов, %/абс.	73/1,31 x 10 ⁹	33/0,60 x 10 ⁹	50/0,98 x 10 ⁹
Т-“активные” лимфоциты, %/абс.	27/0,48 x 10 ⁹	12/0,22 x 10 ⁹	24/0,47 x 10 ⁹
Т-активные с туберкулином, %/абс.	11/0,19 x 10 ⁹	15/0,27 x 10 ⁹	8/0,15 x 10 ⁹
Теофилинрезистентные – лимфоциты, %/абс.	15/0,27 x 10 ⁹	4/0,07 x 10 ⁹	14/0,27 x 10 ⁹
Теофилинчувствительные – лимфоциты, %/абс.	1/0,01 x 10 ⁹	54/0,99 x 10 ⁹	30/0,58 x 10 ⁹
	27/1,04	65/0,65	19/1,0

Для мейн-кэна
и не только

мента выявлена тенденция к повышению числа лейкоцитов за счет повышения количества нейтрофилов и снижения лимфоцитов, что ведет к повышению фагоцитарного профиля.

Аналогичные изменения были выявлены другими исследователями при изучении стресса. Установлено повышение тотальных Т-лимфоцитов и субпопуляции теофилинчувствительных лейкоцитов, повышение функциональной активности нейтрофильного звена (в НСТ-тесте). При этом отмечалось снижение уровня “активных” Т-лимфоцитов, субпопуляции теофилинрезистентных лимфоцитов. Показатели В-лимфоцитов и ИРИ хотя и снизились, но существенных изменений не претерпевали.

Через месяц восстановительного периода и лечения язвенной болезни показатели иммунитета характеризовались следующим образом: нормализовались показатели Т-клеточного звена иммунитета и ИРИ, функциональная активность нейтрофильного звена (в НСТ-тесте), количество нейтрофилов. Повысилось содержание лимфоцитов (отн. и абс.), показатель содержания лейкоцитов вернулся к исходному уровню. Показатель В-лимфоцитов — без существенной динамики.

Однозначно трактовать усугубление Т-клеточного иммунодефицита непосредственно после эксперимента сложно, так как сама экстремальная ситуация (стресс), как и язвенная болезнь, приводит к снижению показателей Т-клеточного звена иммунитета.

Для медиков И не только

Быстрое восстановление этого показателя подчеркивает его временный и неглубокий характер.

Несомненно, что стресс послужил провоцирующим моментом для развития язвенной болезни у испытуемого, для которой уже имелись предрасполагающие условия (наличие геликобактерной инфекции, исходный Т-клеточный иммунодефицит). В пользу последнего говорит и тот факт, что при исследовании показателей иммунитета после лечения язвенной болезни и восстановительного периода показатели Т-клеточного звена нормализовались и стали выше исходных (до эксперимента).

Неинвазивные методы автоматизированных компьютерных программ по Душанину С.А. позволили исследовать профили: иммунный, липидный и липопротеидный, углеводный, адаптационный, кардио-респираторный, регуляторный, психоэмоциональный.

Иммунная система до похода в целом оценивалась “посредственно” (отмечалась слабость гуморального звена). Сразу после похода показатели оценивались как “хорошо”. Через месяц несколько снизилось количество IqG, в целом же состояние иммунной системы оценивалось как “хорошее”, что четко коррелируется с представленной динамикой Т-клеточного звена иммунитета.

Претерпел изменение липидный и липопротеидный профиль. Увеличилось количество общего холестерина крови после похода, но в пределах нормальных величин, т.е. с оценкой “очень хорошо” — “хорошо” — “очень хорошо”.

Индекс атерогенности (апо-В/апо А-1) исходный — 1,13, по окончании эксперимента — 0,82, спустя месяц — 1,19 (норма — 1,00). Повышение индекса атерогенности связано, вероятно, с повышением количества липопротеидов низкой и очень низкой плотности и соответственно повышением триглицеридов в ответ на нарушение основных обменов веществ, нарушением функции печени, проявлением язвенной болезни. Повышение индекса атерогенности ведет к росту риска ИБС, хотя на фоне длительного голодания и выхода из него у этого показателя должно быть другое объяснение. Переход, в частности, на нормальное питание в короткий срок после длительного голодания, естественно, способствовал значительному увеличению циркулирующих в крови липидов.

Профиль углеводный (глюкоза крови) везде оценивается как “хорошо” (от 105 до 90 мг/дл). Особо подчеркиваю, что несмотря на голод этот показатель оставался хорошим, и это говорит не только о нормализации его в процессе похода, но и больших резервах организма.

Профиль кардио-респираторный характеризовался, прежде всего, таким показателем, как МПК (максимальное потребление кислорода): исходная величина 22 мл/кг — “плохо”; после похода — 30 — “плохо”; через месяц — 27 — “плохо”. На фоне недостаточной предварительной тренированности просматривается все же тенденция к улучшению.

Синхронно кардио-респираторному профилю

Для медиков. И не только.

произошли изменения и в адаптационной системе, по выходу из тайги увеличился резерв кардио-респираторной производительности, процент от должного МПК с 47 исходного повысился до 58 через месяц.

Стабильно хорошими были показатель вегетативной и индекс вегетативной регуляции, чего нельзя сказать о профиле психоэмоциональном (54 усл.ед. исходно — “плохо”, 73 на 10-й день похода — “посредственно”, 67 — через месяц — “плохо”). Примечательно, что после эксперимента он стал все же выше.

Содержание креатинфосфата в скелетных мышцах, определяющего уровень силовых и скоростно-силовых возможностей, изначально оценивался как “очень хорошо” (16,0 мк/г), а к концу похода с той же оценкой, но незначительным снижением (15,4). Сохранение одного из ответственных за поддержание энергетического уровня организма компонента в течение 10 дней голода, причем на фоне непрерывного “сжигания” ежедневно не менее 3 500 ккал, остается загадкой. Через месяц содержание креатинфосфата увеличилось до 17,7 мк/г. Объяснение этого феномена скорее всего в индивидуальной особенности организма исследуемого.

Изменения по ЭКГ проявлялись только на момент окончания эксперимента умеренными нарушениями метаболизма, что дополнительно манифестирует об интоксикации организма, нарушениях жирового и белкового обмена.

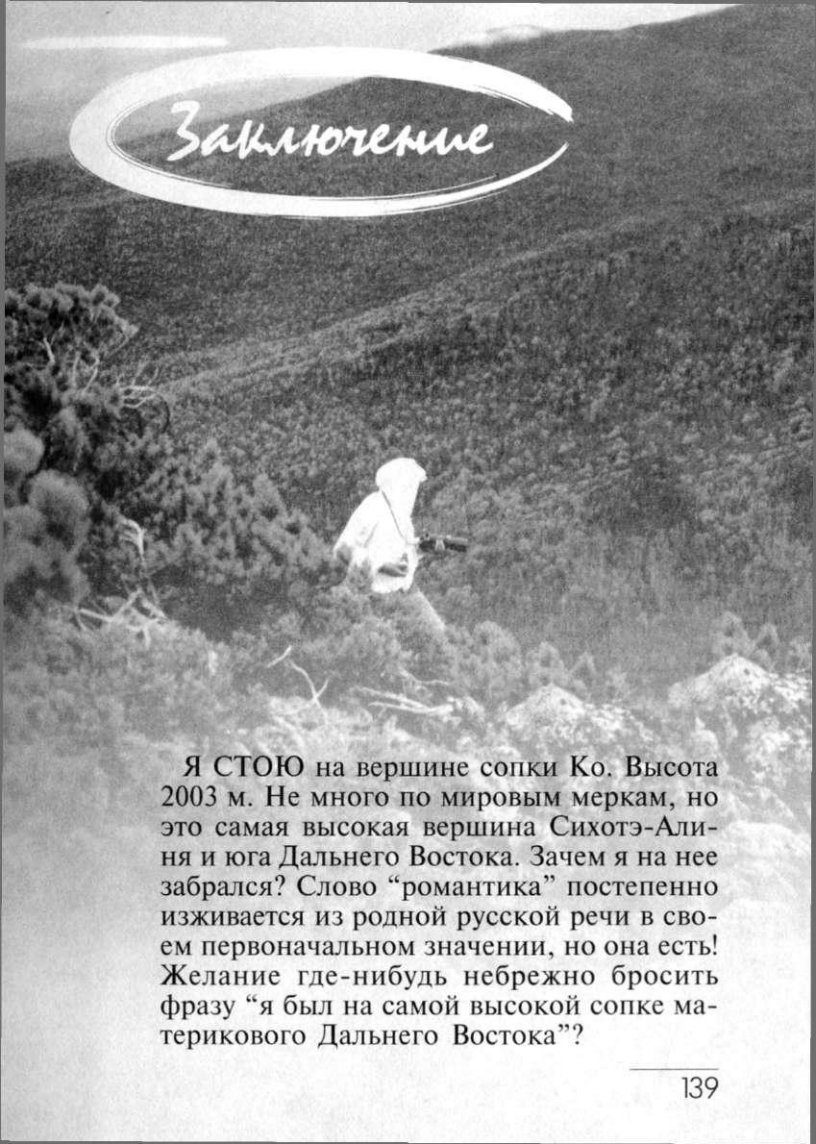
Суммируя представленные выше материалы, можно сделать следующие выводы, понятные, надеюсь, всем:

1. Длительное нахождение человека в экстремальных условиях дальневосточной тайги вызывает ряд негативных, но легко компенсируемых отклонений от нормы показателей физического состояния, иммунологического статуса, липидного и белкового обмена, что может привести к стрессовым поражениям некоторых органов и систем при наличии к этому predisposing факторов.

2. Резервные возможности организма человека позволяют в экстремальных условиях (голод, холод, одиночество и др.) переносить длительное время (до 10 дней) физическую нагрузку средней и более высокой степени тяжести, обеспечивающую реальную возможность выхода из экстремальной и даже стрессовой ситуации.

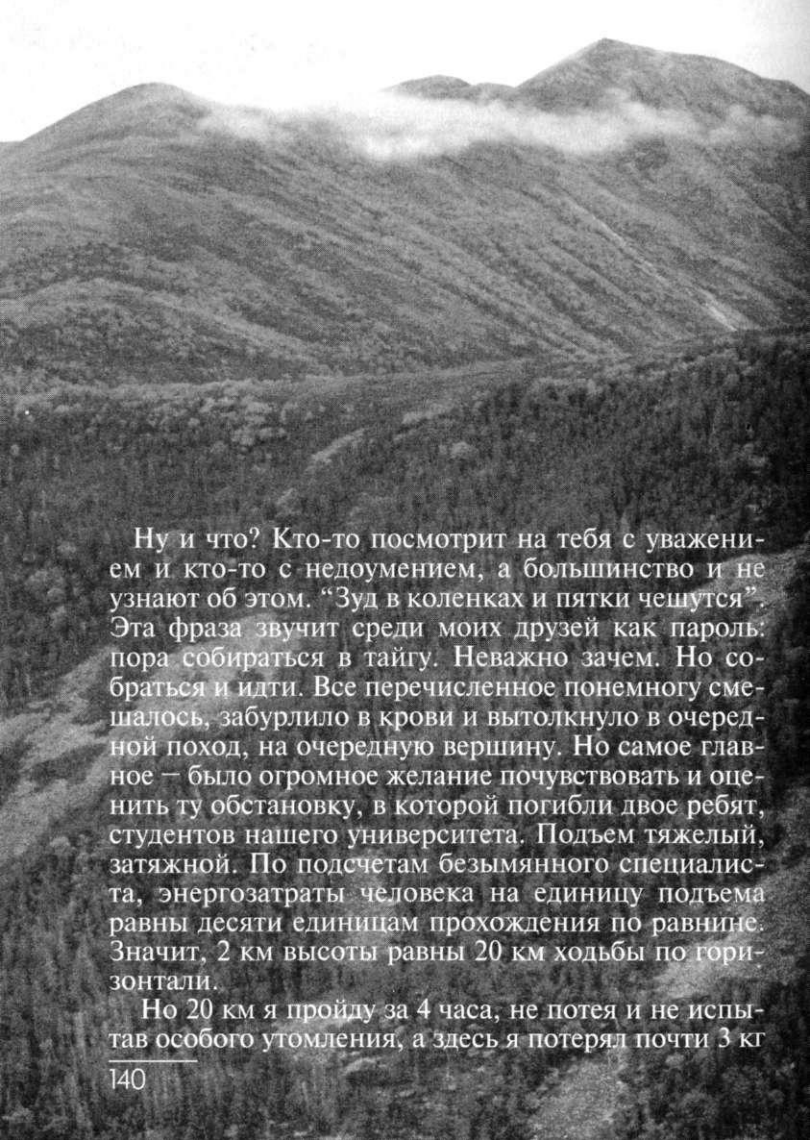
3. Длительное пребывание в экстремальных таежных условиях оказывает тренирующее действие на общее физическое состояние, уровень вегетативной регуляции, адаптационные механизмы, некоторые стороны углеводного, липидного и белкового обменов.

4. При комплектовании коллективов и групп организованного природопользования, туристов, спасателей и другого населения для работы в условиях тайги необходимо предварительное углубленное медицинское обследование с целью выявления и исключения лиц, имеющих предрасположенность к стрессовым заболеваниям.

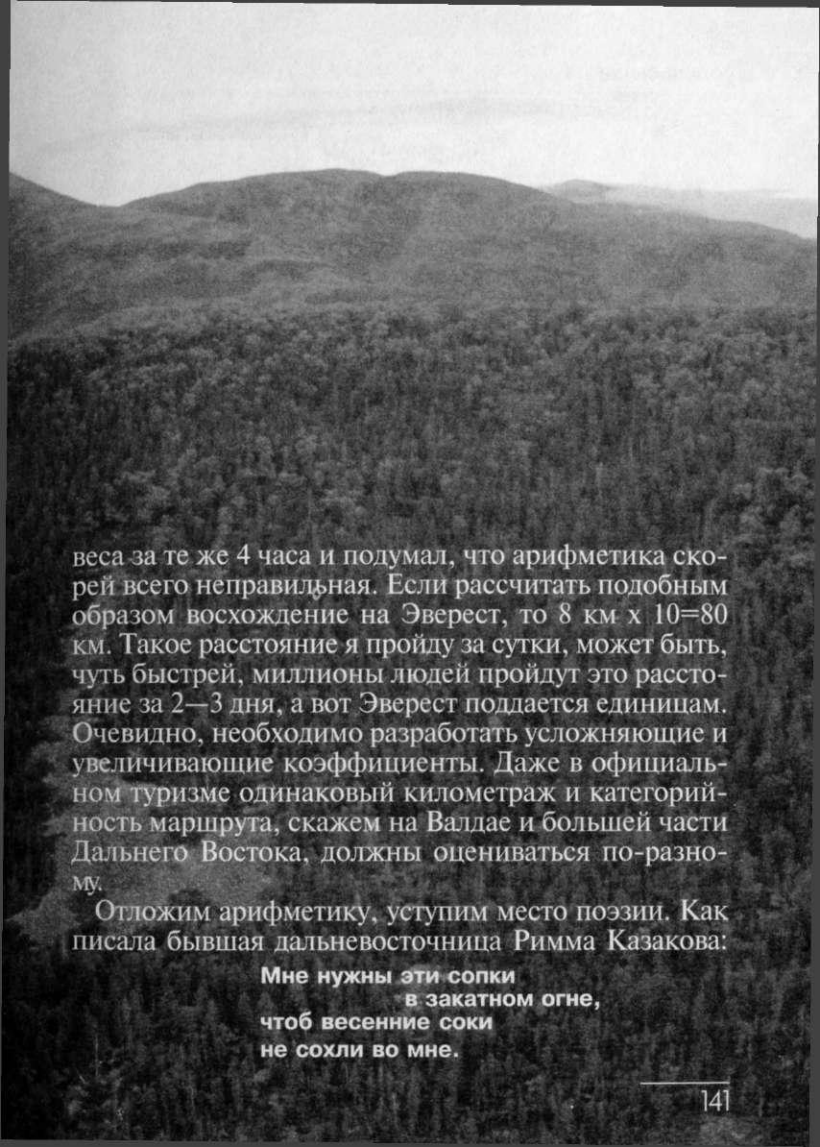
Заключение

Я СТОЮ на вершине сопки Ко. Высота 2003 м. Не много по мировым меркам, но это самая высокая вершина Сихотэ-Алиня и юга Дальнего Востока. Зачем я на нее забрался? Слово “романтика” постепенно изживается из родной русской речи в своем первоначальном значении, но она есть! Желание где-нибудь небрежно бросить фразу “я был на самой высокой сопке материкового Дальнего Востока”?

Ну и что? Кто-то посмотрит на тебя с уважением и кто-то с недоумением, а большинство и не узнают об этом. “Зуд в коленках и пятки чешутся”. Эта фраза звучит среди моих друзей как пароль: пора собираться в тайгу. Неважно зачем. Но собраться и идти. Все перечисленное понемногу смешалось, забурлило в крови и вытолкнуло в очередной поход, на очередную вершину. Но самое главное — было огромное желание почувствовать и оценить ту обстановку, в которой погибли двое ребят, студентов нашего университета. Подъем тяжелый, затяжной. По подсчетам безымянного специалиста, энергозатраты человека на единицу подъема равны десяти единицам прохождения по равнине. Значит, 2 км высоты равны 20 км ходьбы по горизонтали.

Но 20 км я пройду за 4 часа, не потя и не испытываю особого утомления, а здесь я потерял почти 3 кг

веса за те же 4 часа и подумал, что арифметика скорей всего неправильная. Если рассчитать подобным образом восхождение на Эверест, то $8 \text{ км} \times 10 = 80 \text{ км}$. Такое расстояние я пройду за сутки, может быть, чуть быстрее, миллионы людей пройдут это расстояние за 2—3 дня, а вот Эверест поддается единицам. Очевидно, необходимо разработать усложняющие и увеличивающие коэффициенты. Даже в официальном туризме одинаковый километраж и категорийность маршрута, скажем на Валдае и большей части Дальнего Востока, должны оцениваться по-разному.

Отложим арифметику, уступим место поэзии. Как писала бывшая дальневосточница Римма Казакова:

**Мне нужны эти сопки
в закатном огне,
чтоб весенние соки
не сохли во мне.**

И действительно, красота вокруг неопишущая. Можно любоваться часами великолепным пейзажем, впитывать таежные ароматы, поглощать пронизывающие солнечные лучи, вгонять в память и кровь увиденное. Полюбовался, а теперь за дело. Да и холод начинает донимать, хотя тепло, середина сентября. Благо, с погодой повезло, солнечно. Ветер на вершине явление постоянное. Он или часть традиционных материковых ветров, или местного происхождения из-за разности температур воздуха у подножия и на вершине, на южном и северном склонах. Ветер и подковообразная форма гребня явно искажают направление эха. Участие в отражении звука принимают и расположенные почти параллельно с обеих сторон сопки. Лежащее чуть ниже плато может создать иллюзию подножия и при плохой видимости, в тумане, при дожде или снегопаде, сумерках способно увести человека от основного маршрута и даже заставить ходить его по кругу. Звуковые сигналы, крики воспринимаются часто не от первоисточника, а по отраженному эху, сносимому в дополнение ко всему ветром. Для человека, впервые совершающего восхождение на серьезную гору, необходимы предварительное знакомство с картой и умение пользоваться компасом. “Ко” в переводе с удэгейского означает “ведьма”. Так объяснил один местный житель. И ведьма действительно может показывать характер. Совершенно неожиданно может закрутить сильный ветер, появиться туман, посыпать снег в сентябре или июне. И кому-то может не повезти, как тем ребятам. Чтобы

*Апрель 1998 года. Первая ночевка. Односторонний навес
из парашютной ткани 1,5 × 2,5 м
и подстилка из лапника*

*То же место через
два года*

Апрель 1998 года. Моя единственная пища — березовый сок

*Начало апреля 2000 года.
Неожиданная встреча.
Последний житель села
Талакан эвенк Ленка*

*Апрель 2000 года. Самая северная точка
моего похода. Вперед — 100 км, назад — 100
км, надвигается пурга. Куда идти?*

*Внук Матвей помогает
собирать березовый сок
для поправки здоровья
своего и деда*

*2000 год. Два месяца
после возвращения из тайги.
Стройность сохраняется*

пустыне, во льдах Арктики и Антарктики, то и в тайге он обязан выжить. Простые советы, подсказки, пожелания, примеры из своей и окружающей жизни могут вызвать у кого-то ироническую улыбку, у многих окажутся невостребованным товаром, но случится беда, и память подскажет выход из ситуации, опираясь на изложенный в этой или других книгах опыт. А я буду рад оказать вам помощь, хотя и не буду знать, где и когда оказался полезным.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Вместо предисловия 5

Введение 9

Глава 1
С чего все начинается... 15

Глава 2
Костер... 27

Глава 3
Одежда... 37

Глава 4
Питание... 53

Глава 5
Одиночество... 67

Глава 7
Безопасность... 87

Глава 6
Песня... 77

Глава 8
Для медиков. И не только... 127

Заключение 139

Песня в дорогу

Исполняется
на мотив

“Лучше быть сытым,
чем голодным...”

Лучше дрова совсем сухие,
чем со стекающей водой.
И лучше теплогенератор
чем хворост или пень сырой.

2 раза

И лучше спички с зажигалкой,
чем от мороза волчий вой.
И лучше крыша над башкою
чем беспризорный домовой.

2 раза

Спать на кровати вдвоем лучше,
чем на снегу лежать в тоске.
И лучше ложкой есть тушенку,
чем скользнуть пальцем в пустоте.

2 раза

И все же я с тайгой сроднился,
привык к таежной кутерьме.
И с ведьмой, лешим окрестился,
зигзаг такой в моей судьбе.

2 раза

Откуда дети появились,
не знаю сам – всегда в пути.
В подругу верю дорогую
и лучше мне уж не найти.

2 раза

А коль случится заблудиться,
без пищи быть и без одежд,
то надо к книге обратиться,
она залог твоих надежд.

2 раза

Научно-популярное
издание

ЗАВГОРУДЬКО
Валерий Николаевич
В ТАЙГЕ ВЫЖИТЬ ОБЯЗАН
Фото автора

Иллюстрации В. Лебедева

Редактор В.И. Симаков
*Оформление,
художественно-техническое
редактирование, верстка,
А. Посохов*

Корректор Т. Киевская

Изд. лицензия № 030315 от 23.06.97
Бумага офсетная. Формат 70х100/32. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 6,5. Тираж 1000 экз. Заказ № 4046.

Приамурское географическое общество
Предпечатная подготовка выполнена на оборудовании
Издательского дома «Приамурские ведомости»

Хабаровская краевая типография.
680038, г. Хабаровск, ул. Серышева, 31

О чем и для кого

ИЗДАНИЕ представляет материалы организованных автором экспериментов по выживанию человека в экстремальных условиях дальневосточной тайги. Краткие рекомендации наглядно дополнены наблюдениями из таежной жизни, охоты, экстремальных ситуаций. Название книги звучит как приказ. Строгий, сухой, конкретный. Отметающий все сомнения. А приказы, как известно, нужно исполнять. Исполнять, опираясь на знание природы, тайги, возможности своего организма, опыт выживания. Свой и чужой, опыт поколений и автора, улавливая крохи сохранившегося в подсознании инстинкта самосохранения. И не теряя самообладания. Тогда приказ автора и собственного разума будет выполнен.

Книга рекомендуется всем пользователям дальневосточной тайги, туристам, любителям охоты, рыбной ловли и сбора дикоросов, школьникам, студентам, активному населению региона.

Завгорудько Валерий Николаевич, доктор медицинских наук, профессор, заслуженный врач РСФСР, автор нескольких монографий и более сотни научных статей, посвященных проблемам восстановления здоровья дальневосточников методами немедикаментозной терапии, преимущественно курортными и физиотерапевтическими факторами. Заядлый, но не алчный охотник, любитель сбора дикоросов, дачник.

“В жизни у меня, как и у многих, было немало критических ситуаций при нахождении в тайге, но отношение к ним было как к приключениям, и не более. Поставив себя преднамеренно в критическую ситуацию, я уже другими глазами смотрел и оценивал свое поведение, состояние, иначе оценил многое из того, что ранее было просто приключением”.